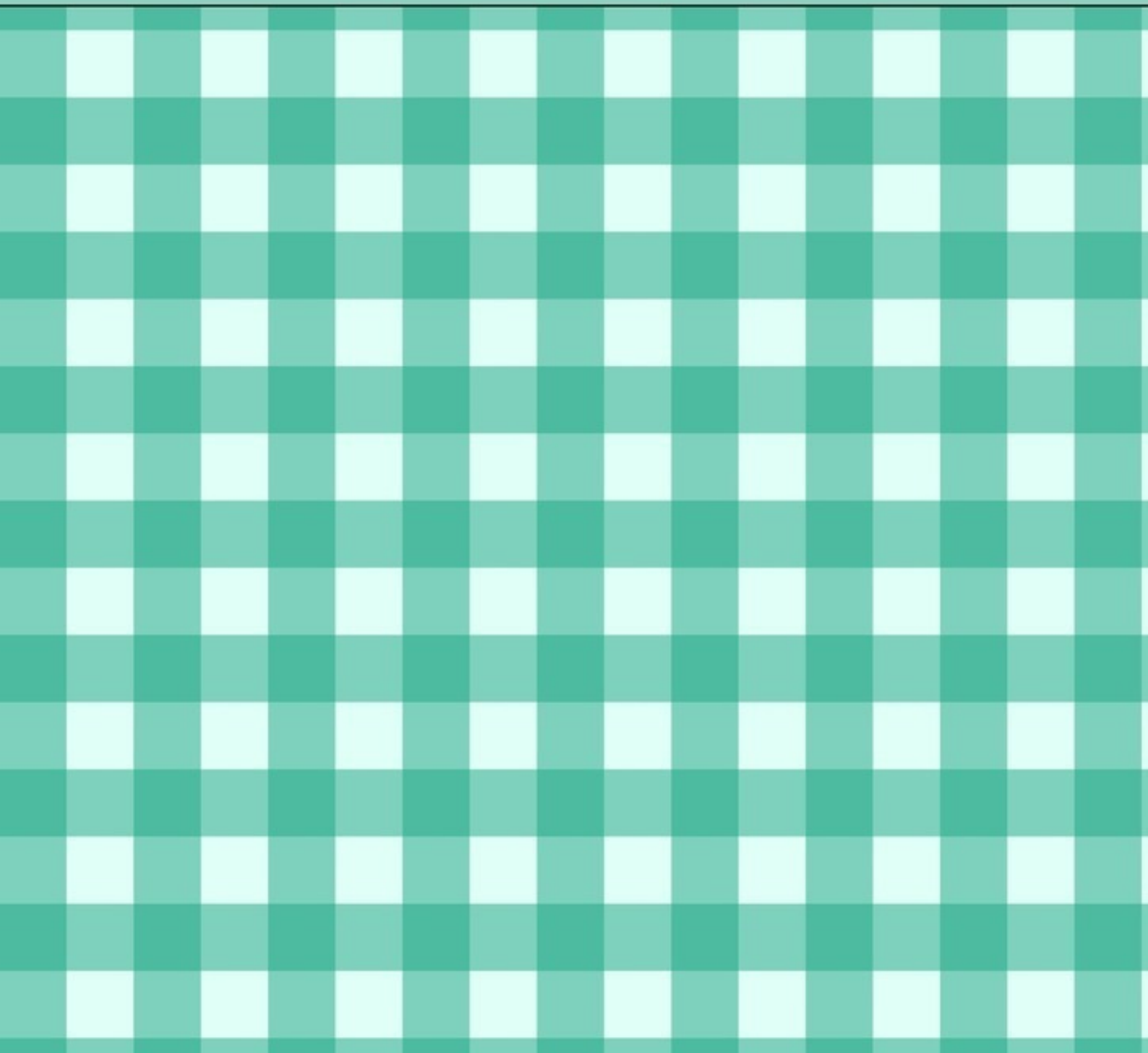

Алексей Леснянский

Ломка

Алексей Леснянский

Ломка

«Издательские решения»

Леснянский А. В.

Ломка / А. В. Леснянский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749273-1

Роман «Ломка» — о первом хождении в народ на стыке прошлого и нынешнего тысячелетий; о поражениях, которые были равны победам; о страшных потрясениях, ожидающих Россию, если государство не повернётся лицом к своим гражданам; о тех, кто искал, нашёл, но... не дошёл. Студент Спасский, главный герой книги, приезжает попроведовать бабушку в сибирскую деревню и, будучи потрясенным бедственным положением сельских жителей, начинает рассказывать людям, как жить дальше.

ISBN 978-5-44-749273-1

© Леснянский А. В.
© Издательские решения

Содержание

1	7
2	13
3	16
4	18
5	19
6	21
7	22
8	23
9	24
10	28
11	30
12	31
13	32
14	33
15	34
16	35
17	36
18	37
19	38
20	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ломка

Алексей Васильевич Леснянский

© Алексей Васильевич Леснянский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все имена и события вымышлены. Совпадения с реальностью прошу считать случайностью. Помни, читатель: под Кайбалами я всего лишь подразумевал деревню, каких много раскидано по русской Земле.

Роман «ЛОМКА» — о первом хождении в народ на стыке прошлого и нынешнего тысячелетий; о поражениях, которые были равны победам; о страшных потрясениях, ожидающих Россию, если государство не повернётся лицом к своим гражданам; *о тех, кто искал, нашёл, но... не дошёл.* Студент Спасский, главный герой книги, приезжает попроведовать бабушку в сибирскую деревню и, будучи потрясенным бедственным положением сельских жителей, начинает рассказывать людям, как жить дальше. Он помогает деревенским раскрыть их лучшие душевные качества, однажды свято уверовав в то, что вовсе не интеллигенции, а только народу, живущему по законам, проверенным тысячелетиями, было когда-то предопределено Богом сказать России и всему Миру главное Слово...

...А значит, нам нужна одна победа
Одна на всех, мы за ценой не постоим...

Молодежь двух соседних деревень враждовала между собой давно. Никто из кайбальских ребят, если бы вы их спросили, не смог бы с четкой ясностью дать исчерпывающий ответ на вопрос: по какой причине возникла неприязнь? С подсинскими вступали в стычки их деды, на этом «поприще» сменяли отцов сыновья, неизменно по-отечески подбадривая своих отпрысков на новые «подвиги». Нередко драки заканчивались серьезными ранениями, случались и смертельные исходы, усугублявшие и без того критическую и напряженную ситуацию.

Ненависть поселилась в молодых сердцах; злоба, доходящая до исступления, стала уделом многих в наше время. Колхозы в деревнях распались, не справляясь с жесткими требованиями, диктовавшимися рыночными отношениями. Новые формы хозяйствования созданы не были и, как результат – безработица, разруха и повальное пьянство. Молодые люди не получали трудовых навыков да и не знали, для чего их теперь получать. Участилось воровство. Некоторые цепкие кайбальцы, неплохо существовавшие и в эпоху социализма, придумали новые способы получения сверхприбылей. На маленькую деревню приходилось семь спиртовых точек. Хозяева спирта продавали свою продукцию всем, не останавливаясь даже перед подростками и малыми детьми. Отказа не получал никто.

Днем молодежь сидела по домам, но когда над деревней сгущались сумерки, она собиралась на сходки, где жестоко напивалась или накуривалась. Потом, глубокой ночью, парни и девушки с пьяным матом и сальными шутками бесцельно слонялись по деревенским улицам, и тогда горе тому, кто по нелепой случайности попадался им на пути.

Отцы и матери пытались подействовать на своих детей, но все было безуспешно. Невозможность повлиять на новое поколение, бессилие перед новой жизнью заставили их самих уйти в беспробудное пьянство. Образовался замкнутый круг.

Молодежь тянуло в город, но не было никакой возможности когда-нибудь туда выехать. Тогда, смирившись, все с нетерпением ждали выходных. В субботу и воскресенье в клубе шли танцы. Там можно было напиться до потери сознания, развалиться в креслах, стоящих по периметру помещения, и невидящим взором смотреть на красные лампы светомузыки, втайне надеясь, что приедут подсинские и тогда... тогда будет драка, заставляющая бродить кровь; можно

будет козырнуть перед девчонками своей пьяной смелостью, а утром проснуться с разбитой головой и гордым сознанием выполненного долга; с мыслью о том, что не ударил вчера в грязь лицом и что в глазах деревенских приобрел еще большее уважение.

Матери и отцы срывались на своих детей за порванные рубахи и штаны и уходили на грязную низкооплачиваемую работу соседней птицефабрики. А молодые люди, оставшись одни, переживали яркие события прошедшего дня, прокручивали в мыслях деревенские сплетни, попутно управляясь по хозяйству. И так день за днем.

1

На дворе была июньская ночь 2003 года. Пять парней, вооруженных штакетником, стояли на крыльце сельского клуба. Моросил дождик, вздувая сотни крохотных пузырьков на молодых лужах. Вдалеке на кромке горизонта сверкали молнии, сопровождаемые раскатами грома.

Через некоторое время деревенские услышали рев десятков моторов, заглушивших небесную канонаду. Один за другим, в боевом порядке на центральную улицу въезжали подсинцы. Остановились в десяти метрах от клуба.

– Что-то их сильно мало, – сказал невысокий паренек Дерябину Кольке, подбившему своих ребят на внезапную вылазку.

– Мало, а штакетины где-то успели раздобыть. Не нравится мне все это... Эй, кайбальские, сейчас мы вам морды набьем.

С крыльца в ответ прозвучала угрожающая фраза:

– А вы вокруг осмотритесь, ублюдки чертовы. Все – хана вам.

Смыкая огромный круг, из мрака ночи со стороны школы и Качинского переулка начали выступать темные фигуры подростков. Замкнув кольцо, они прошли несколько метров и остановились.

Палки громко застучали об асфальт. Сначала вразнобой, барабанной дробью; потом, угадывая общий ритм, уже в такт. Деревенские собаки, случайно оказавшиеся на площади, разбежались, поджав хвосты. Сельчане, жившие поблизости и не пожелавшие закрыть ставни на ночь, в спешном порядке торопились отгородиться от внешнего мира деревянными створками.

– Быть беде, быть беде, – шептала бабка Авдотья своему глухому на оба уха деду и истово крестилась.

Дерябин Колька, внимательно осмотревшись по сторонам, с хладнокровием бывшего бойца, о чем свидетельствовали бесчисленные шрамы на его лице, осознал всю безысходность создавшейся ситуации. Все пути к отступлению были отрезаны, такого количества противников ему в жизни не приходилось встречать. Оставалось надеяться только на то, что завклубша вызовет милицию, но кто-то из окружавшей их толпы, будто угадав направление мыслей подсинца, язвительно бросил:

– Ментов не будет, ребята, пока мы вас тут не искрошим! Завклубша домой свалила! Сын у нее больной!

Дружный хохот огласил окрестности, вторя фразе, которая лишала приезжих последней надежды на спасение.

Дерябин задумчивым взглядом обвел своих парней.

– Крепкие ребята. На этот раз случайно прибавившихся среди нас нет. Будут стоять, уверен, что будут, – думал Колька, уставившись в одну точку.

Встряхнув головой, чтобы сбросить оцепенение, Дерябин понял, что пора начинать действовать.

– Ну чё встали? Круг из мотоциклов... Быстрее, быстрее, черт вас всех подери, – сказал он тихо, но внятно, чтобы слышать могли только свои. Взявшись за руль своего «восхода» и выдвинувшись немного вперед, он заложил первый камень в фундамент их будущей обороны.

Над площадью перед клубом повисло молчание. Прошло несколько секунд, и от кольца окруживших стали откалываться звенья людей и с ревом устремляться на жалкую кучку подсинцев. Еще мгновение – и круг кайбальских полностью распался, устремляясь вслед своим более решительным товарищам. Крики боли, пьяный мат стали итогом столкновения двух враждебных сил. На первый взгляд могло показаться, что подсинские смяты. На самом деле

нападавшим удалось лишь опрокинуть заслон из мотоциклов. Спотыкаясь о них, первые волны нахлынувших, подгоняемые сзади остальной массой, становились легкой мишенью для обороняющихся.

В это время, скрываясь в темноте недалеко от места схватки, подпирая плечом колонну клуба, с широко раскрытыми глазами стоял молодой человек, не принявший участие в потасовке. Бледное худощавое лицо искажали судороги боли и страха. Его никто не видел, зато он видел и слышал все, содрогаясь от нелепости происходящего. До его слуха отчетливо доносились мерзкие звуки драки и наглые возгласы деревенских девчонок, подбадривающих своих и принижавших достоинства приезжих. Раньше он приезжал попроведывать бабушку, но, будучи горожанином до мозга костей, большого желания выходить за пределы усадьбы не испытывал, а сегодня из праздного любопытства решил впервые посетить сельский клуб.

Больше оставаться на месте Андрей не мог. Он уверенно прошёл от клуба до места драки, проталкиваясь сквозь толпу остервенело колотивших друг друга людей.

Достигнув центра, он глубоко вдохнул бодрящий после недавно выпавшего дождя воздух, расстегнул пиджак, вынул из него газовый пистолет, на который недавно получил разрешение, и два раза выстрелил вверх голов. Толпа дерущихся остановилась в нерешительности, после чего, испугавшись резких опасных звуков, которые в сознании каждого вязались со смертью, отхлынула.

Андрей огляделся. В черных лужах на асфальте валялись раненые подростки. Кто-то из них стонал, некоторые и вовсе были без сознания. Андрею стало страшно. Совсем один, в незнакомой деревне среди разъяренных людей. Но самообладание вскоре вернулось к нему.

– Подсинцам стоять возле меня, кайбальцам отойти от нас на сорок метров! – крикнул он твердым голосом, пользуясь замешательством подростков.

Толпа подчинилась.

– Кто ты такой? Я тебя не знаю, да и пушка у тебя вроде газовая! – закричал Антон Забелин. – Это не воя разборка! В Кайбалах я тебя ни разу не видел, да и не похоже, чтобы ты приехал с ними, судя по твоему парадно-выходному костюмчику!

Андрей лихорадочно придумывал ответ. Мысли вихрем пронеслись в голове, но ни на какой он не решался остановиться. В ночной тиши собственный голос прозвучал неожиданно даже для него самого:

– Я приехал к бабке, и я – мент. Вот подтверждение.

Он засунул руку во внутренний карман пиджака, вытащил студенческий билет, высоко поднял его над головой и, развернувшись, бросил его под ноги подсинцам.

Дерябин поднял упавшую в лужу корочку и ознакомился с ее содержанием.

– Спасибо, браток, кто бы ты ни был, – тихо сказал Колька, а потом громко, чтобы все услышали, добавил: «Он действительно мент, нет никакого сомнения в этом»!

– Всем оставаться на своих местах! Вот вы двое – мигом в клуб и вызовите скорую! – крикнул Андрей двум парням, стоявшим поблизости от крыльца; сам же снял рубаху, разорвал ее на три части и принялся перевязывать голову непрерывно стонавшему парню, сидевшему на корточках в трех метрах от него. Закончив с ним, подошел к другому подростку и с быстротой, свойственной чувствительным рукам, выдернул нож из бедра пострадавшего, вырвав у парня крик боли.

– А ты как хотел? Вообще-то не стоит с тобой возиться, ну да ладно – в последний раз, – сказал он парню с усмешкой.

Толпа погудела немного и начала расходиться по домам, зная, что приездом одной лишь «скорой» дело теперь не обойдется. Подсинцы заводили мотоциклы, усаживались и уже через минуту скрывались за поворотом. «Скорая» забрала четырех человек, и через некоторое время площадь перед домом культуры обезлюдела. Милиция так и не приехала.

Андрей остался один. Восторг переполнял его. Он победил животный страх перед неизвестностью, вверив себя слепой судьбе, подтолкнувшей его на отчаянный поступок, – и все обошлось.

Световые потоки чудом сохранившихся желтых фонарей, пересекаясь в воздухе и становясь единым целым, заливали центральную улицу, освещая унылую картину валявшихся в беспорядке штакетов и арматуры. Собираясь уже идти к бабушке, к которой приехал погостить, Андрей натолкнулся на фигурку вздрагивающей от рыданий молодой девушки, стоявшей лицом к стене клуба.

– Эй, ты чего воду попусту льешь? И так много луж по кругу, – сказал он, ласково обняв девушку за плечи.

Она повернулась к нему лицом, и глазам парня предстало симпатичное создание с большими ясными бирюзовыми глазами и завораживающими ямочками на щеках.

– Брата моего увезли. Что теперь делать? – тихонько спросила она, всхлипывая.

– Вот незадача. Да меня сколько раз туда увозили и хоть бы что, – нагло соврал Андрей. – Знаешь, давай я тебя до дому провожу, а завтра утром мы вместе к нему съездим.

– Но ты ведь меня совсем не знаешь.

– Уже знаю, – отшутился Андрей и предложил новоиспеченной знакомой руку.

Наташа, а именно так звали девушку, имя которой Андрей так и не удосужился спросить, обхватила предоставленный в ее распоряжение локоть, и они вместе отправились от клуба.

Проводив девушку домой и заверив, что к одиннадцати часам он будет ждать ее у ворот, Андрей наконец-то пошел домой.

Бабушка встретила его в сенках, и до того момента, пока он не разделся и лег в постель, она невнятно бормотала что-то об упавших нравах современной молодежи, о том, как спокойно жилось во времена ее юности в Пензенской губернии и как было бы неплохо, если бы внук с дедом завтра наладили колонку.

– Наладим, баба. Обязательно что-нибудь придумаем. Иди ложись, – бодрым тоном ответил Андрей и закрыл глаза.

Бабушка, известное дело, не удовлетворилась прерванным разговором и стала придирчиво, со свойственным всем пожилым людям любопытством осматривать вещи внука. От ее взгляда не укрылось отсутствие рубашки, пятна крови на пиджаке и замаранные в грязи брюки с продранными коленками.

– Окаянный, подрался с кем-то. Опять, наверное, подсинские наехали, чтоб им пусто было. А ты куда лезешь, дурья твоя башка»? – обращалась она к внуку, который, впрочем, неплохо имитировал сон и на обращение в свой адрес никак не реагировал.

Бабушка еще немного попричитала и засемила в другую комнату, шаркая тапочками по деревянному полу. Андрей услышал, как она разобрала постель и, обращаясь к деде Марии с просьбой заступиться за праведников и покарать нечестивцев, улеглась.

Старинные часы с дремлющей кукушкой пробили час. Андрей погрузился в мысли о прожитом дне, вспоминал своих университетских товарищей, с которыми так часто проводил время в беседах о судьбе России и построении настоящего демократического общества. Сегодня он ясно понял, что он и его товарищи, так усердно ратовавшие за народное счастье, были невероятно далеки от чаяний простых людей.

– Страшно далеки они от народа, – даже вспомнил он знаменитую фразу».

Получая высшее образование, люди его среды (а их стало уже достаточно много) были движимы высокими идеалами, но вся проблема заключалась в том, что потерялась преемственность поколений революционного, в хорошем понимании этого слова, «студенческого общезжития». Дух борьбы против несправедливости исчез. Он был ярко выражен в двух прошлых столетиях, а в нынешнем надо было начинать все сначала.

Андрей неплохо знал отечественную историю, ему были дороги декабристы и народо-вольцы. Только первые (все это знали) хотели насадить высшую правду без поддержки народа, последние встали на путь террора. Обе ветви гибельные. Революцию октября семнадцатого он вообще не признавал и удивлялся, как коммунистическая зараза до сих пор еще гнездится в людях его страны. Массовые репрессии, высылка интеллигенции из страны, разрушение храмов, тупиковая мораль привели к вырождению генофонда нации. Результаты такой государственной политики можно было наблюдать и в Кайбалах, но, что самое страшное, – люди в деревне не знали, от чего их теперешняя жизнь хуже горькой редьки.

Лежа на кровати, Андрей вдруг вспомнил о хождениях в народ, когда студенты, бросив привольную, сытую столичную жизнь, подавались в деревни, становились там врачами или учителями и пытались разъяснить народу, как жить дальше. Они нашли уважение для себя, возвысили свою душу, терпя лишения, но не смогли научить, не сумели привить мужикам уважение к самим себе.

– Все еще можно исправить. Не знаю как, но можно. Остановлюсь, присмотрюсь к деревенским. Вот он, мой народ, во всей своей неприкрытой наготе. В этом доме, в этой деревне. Жалко, что один. Только кому сейчас легко? – улыбалась совсем еще юная, не заветренная временем душа.

Веки Андрея слипались, и он сам не заметил, как погрузился в крепкий здоровый сон молодости.

В эту ночь многие из деревенских, присутствовавших вечером в клубе, пытались понять, что подвигло приезжего на вмешательство. Им и в голову не могло прийти, какие чувства обуревали Андрея. Одни злились на него за то, что не дал добродить буйству крови, не позволил бить, крушить, кромсать, резать; другие (и их было не меньше) одобряли, понимая, что кто-то должен был все это остановить. Одобряли или злились, но не понимали. Все же просто. Если ты приехал в Кайбалы к бабке, – встань на сторону деревенских или в крайнем случае не мешай. В то, что он мент, никто не поверил сразу. Типаж не тот. Но в те решительные минуты, когда он стоял между ними и подсинцами, грозно устремив взгляд не на них даже, нет, а куда-то вверх голов, казалось, что нет силы, способной его остановить...

Митька Белов проснулся по-деревенски рано. Отец с матерью уже собирались на птичник. Голова у Митьки гудела от полученного в драке удара. Он не помнил, как и где его вчера заработал. Смутно припоминал, что был в первых рядах атакующих, потом вспышка, потом катался по земле, не помня себя от боли, затем провал, и кто-то ночью, вроде бы Сага, отводил его домой. Что-то стягивало череп. Прикоснувшись к голове, Митька нащупал повязку, подошел к зеркалу и обнаружил рукав белой рубахи, пропитанной кровью.

– Хэ, как на войне прямо, – сказал он вслух.

В это время в комнату вошла мать и увидела стоявшего у зеркала парня.

Батюшки! Отец, ты погляди на него, иди, посмотри на своего оглоеда. Опять дрался и напился ведь, наверняка напился ведь, сволочь. Куда тебя черти вечно заносят, горе ты луковое?

Отец, чтобы не принизить свой авторитет, сразу не откликнулся, молча доел завтрак и перед самым уходом, грозно насупив черные густые брови, начал допрос.

– Подсинцы? – бросил с порога.

– Они, – потупившись, ответил Митька.

– Кто кого? – продолжил отец.

– Да вроде мы, батя.

– Пил вчера?

– Нет. Да не, ну правда.

– Врешь, собака. Зашибу. Мать в гроб загонишь со своими пьянками, паскуда такая. Чтоб к вечеру по хозяйству все сделал. Понял? – подвел итог отец и, громыхая кирзовыми сапогами, вышел во двор.

– Пронесло, – подумал Митька. – А ведь на моей стороне был. Сам дрался в свое время. В открытую сказать не может, но эта еле видная ухмылка на лице. Я ведь не дурак – все вижу.

Митька прошел в соседнюю комнату, где, мирно посапывая, спали два младших брата и сестра.

– Подъем, черти! – во весь голос завопил Митька.

Сергея, второй по старшинству после Митьки, резко открыл глаза и немигающим взором уставился в потолок. Видя, что брат продолжает лежать и не предпринимает никаких попыток подняться с постели, старшой перешел от слов к действию, отвесив подзатыльник, по его мнению, средней степени тяжести. Сергей быстро сел на кровать. Вцепившись обеими руками в металлическую сетку, нервно сплюнул. Со старшим братом, даже обладая редким неукротимым нравом, он все же никогда не решался связываться. Оставив Серёгу наедине со злобой по поводу утреннего пробуждения, Митька подошел к семилетнему мальчугану Олежке, сдернул с него одеяло, поднял за левую ногу и приготовился вклеить затрещину, но потом, переполненный жалостью, решил ограничиться легким щелчком по лбу. Олежка взвыл, трепыхнулся всем телом, вырвался из Митькиных рук и протяжно, вымученно заголосил, уткнувшись в подушку.

– Позор! Как баба, воешь, – сказал Митька. – Я тебе втулку на заднем колесе перебрал, подшипник заменил и все смазал, а ты воешь, – добавил он примирительным тоном.

Олежка ныть перестал, одарил брата ненавистным взглядом и пошел к умывальнику.

Аленка, единственная девчонка в доме, услышав возню братьев, тихонько встала и отправилась на кухню собирать на стол.

Жевали молча, еще не померкла обида после утренней выходки старшего брата. Намазывая масло на хлеб, Митька первым решился начать разговор.

– Ну, как мы вчера? – обратился он к сидящим за столом.

– Да приезжий, гад, помешал. Всю малину нам изгадил. Кстати это он тебе башку перевязал... пустоголовую, – невнятно из-за куска сала во рту пробормотал Серёжка и, давась, прыснул смехом.

– Но, но, но. Соблюдай субординацию, бродяга, а то махом отучу над старшими смеяться, – тоном беспрекословного подчинения сказал Митька, а потом внезапно помутнел и взорвался диким хохотом, обронив бутерброд на пол. – Черт, опять маслом к низу. Олежка, сбегай-ка за тряпкой... Так, слушай меня внимательно. Не знаю, как вы тут будете делить обязанности, но чтобы к вечеру – дрова наколоты, вещи постираны и поглажены, свиньи с курицами накормлены, стайки вылизаны, грядки прополоты, жрать сварено. Поливать не надо, вчера дождь был... Полы помоеете, паласы пропылесосите. А я пойду коров в стадо отведу, а затем на рыбалку отправлюсь, – подытожил завтрак старшой заранее подготовленной речью и вышел во двор.

– Вот сволочь, – прошепелявил Олежка и, обведя взглядом оставшихся за столом, увидел немое подтверждение удачно подобранному слову.

Взяв в сарае две самодельные удочки, Митька проводил коров и отправился на рыбалку.

Утро было прохладным. Ясное небо с редкими вкраплениями белоснежных облаков предвещало знойный день. Свернув за старой баней, Митька быстро спустился с обрыва. Накальываясь босыми ногами об острые камни, плотно усеявшие дно, перешел вброд неглубокий ручеек, бывший рукавом быстрого полноводного Абакана, и углубился в лесную глушь.

Лес всегда привлекал парня. Здесь он находил забвение от каждодневных деревенских забот. Его мальчишеская фигурка словно бы растворялась среди могучих вековых тополей, всегда навевавших тихие, светлые грезы. Деревья видели его восторг и мудро, по-стариков-

ски молчали, печально перешептываясь о былом под порывами стремительного вездесущего ветерка.

В это утро пробуждающийся ото сна лес был особенно красив. Солнечные лучи, отгоняя миражи ночи, весело струились по ветвям и листьям, заливая благодатным теплом ершистые поляны. Чудноголосые птички трели древней сладостной песней неслись во все концы, возвещая округе о приближении человека. А человек шел и шел, вдыхая терпкий бодрящий аромат лесных трав и цветов. Он наслаждался покоем и с интересом вглядывался сквозь просветы между деревьями в пронзительную высь бездонного неба.

Небольшой лес остался позади, и взору парня предстал могучий Абакан, непокорно огибавший препятствия на своем пути и веками несущий свои воды в призрачную даль грядущих столетий. Чуть выше реки стелился туман, сквозь его сероватую дымку виднелись полушария холмов.

Митька достал из садка стеклянную банку и начал шариться по густой сочной траве в поисках кузнечиков. Наловив дюжины две, вернулся к речке и размотал удочки. Пройдясь вдоль берега, натолкнулся на две рогатулины, оставленные предыдущими рыбаками. Здесь и решил обосноваться, зная по опыту, что где попало рогатулины ставить не станут, а значит, клев наверняка будет.

Нацепив кузнечиков на крючки, поплевал на них, как полагается для удачи, и закинул удочки. Приученный дедом, завзятым рыбаком, к абсолютной тишине во время рыбной ловли, Митька присмотрел удобное местечко на бережку, достал из-за уха стибренную у отца сигарету и закурил, смачно затягиваясь, пуская в небо сизые кольца дыма.

– Странно, ничего понять не могу. Зачем приезжому понадобилось вмешиваться? Зачем перевязал голову, ведь видит меня впервые? Может, у него не все дома?.. Нет, скорее, выпендриться захотел, крутого из себя построить, эдакого гангстера. Надо с ним потолковать потом, как представится случай. Странно, очень странно, – думал Митька.

2

Андрей проснулся в девять. Сладко потягиваясь, позволил себе еще немного понежиться на мягкой пуховой перине, давая затекшему раскисшему телу прийти в рабочее состояние. Полежав самую малость, неторопливо оделся и вышел на крыльцо.

Здесь его ждала маленькая неприятность. Бродивший поблизости черный петух с пунцовым гребешком расценил появление молодого человека как посягательство на священные особы вверенных ему кур, сновавших рядом. Взъерошив перья на длинной шее, хозяин куриного гарема начал атаку. Парень не растерялся и, пуская в ход ноги, начал контрнаступление. В отличие от кудахтающего соперника, Андрей терпеливо молчал, боясь привлечь внимание стариков, а больше деда, скорого на язвительное словцо в сопровождении коротких смешков в окладистую русую бороду. Будучи в душе оптимистом, парень, обзрев ограду, увидел возле будки Пушка – собаку, ласковое прозвище которой в данный момент никак не вязалось со всклокоченной, местами линявшей шерстью. Оскалившийся Пушок изредка кидал умоляющие взгляды на человека, потом переводил налитые кровью глаза на ненавистного задиристого петуха, всегда нагло расхаживающего в опасной близости и игнорирующего законные притязания ночного сторожа на неограниченную власть в усадьбе. Кто знает, почему между животными не получилось дружбы. Баба утверждала, что виной всему короткая собачья цепь, которую вольная птица свысока презирал. Дед же говорил, что красавец-петух за версту чует непородистое происхождение пса, особенно ярко выразившееся в периоды линьки.

Андрей быстро смекнул, что гонор молодого раззадоренного петуха быстро поутихнет в кобелиной пасти, и стал теснить птицу к будке.

До собаки оставалось несколько сантиметров, и Пушок неминуемо растерзал бы зарвавшуюся птицу, но петух, ощутив спиной подлую засаду, взмыл высоко вверх, оттолкнулся от воздуха и успешно ретировался в огород. Все бы ничего, да последний взмах ноги, произведенный в яростном конечном запале, заставил Андрея потерять равновесие и рухнуть на землю. Содержимое собачьей миски, опрокинутое при падении, неравномерно окатило правый бок и теперь вязко стекало.

В таком неприглядном виде и застал Андрея высунувшийся из времянки дед.

– Тьфу, язви ты в душу, – сказал старик неизвестно кому и вновь скрылся за дверью.

Андрей быстро отмыл замаранный бок и вошел во времянку. Запах свежее испеченных пирогов, ворвавшись в ноздри, пробудил аппетит. Бабушка переливала из кринки в кружку купленное у соседки молоко, так как своей коровы старики по немощности уже не держали. Дед, шмыгая огромным красным носом, изредка встряхивал головой, наверное, по поводу казуса, в котором недавно оказался внук.

– Что стряслось опять, Андрюшенька? – запричитала бабушка, обернувшись к внуку.

– Да ничего существенного. Просто петух ваш задиристый больно.

– Ух, окаянный, он и на меня ить кидался третьего дня. Говорила деду зарубить его, а он, знай, все молчит да пыхтит себе в бороду. Внука нам на нет изведет, петух энтот.

– Не изведет. Поделом вам, – буркнул дед.

Петух в усадьбе действительно никого не боялся, кроме деда и, пользуясь поддержкой старика, с достоинством расхаживал, где ему было угодно, кидаясь на всякого, кто вставал ему поперек дороги. Благо, куры неслись хорошо, и ему пока ничего не угрожало.

– Андрюшенька, садись к столу, не побрезгуй бабушкиными пирожками. Тесто на славу удалось, – обратилась бабушка к внуку.

– Андрю-ю-шенька, Андрю-ю-шенька, – передразнил старуху дед. – Как с мальцом, с ним вошкаешься. Парню двадцатый пошел, а она все Андрю-ю-шенька.

– Так кровинушка ж наша.

– Ты спроси у кровинушки, когда он у нас последний раз был... Молчишь? Так я тебе отвечу. Полгода скоро будет. Совсем стариков забыли, – строго, с еле скрываемой обидой сказал дед.

– Ну, Андрей Иванович, это ты зря. У меня учеба, а папа с мамой вам постоянно помогают, чем могут.

– Ты меня помощью-то не попрекай. То сыновний долг каждого знатного человека. Все наскоком, все впопыхах у вас. Три недели назад залетели родители твои, как заполошные, зерно в клетки ссыпали и – на хода. Словом обмолвиться некогда. Бизнесмены чертовы!

– Будет вам, – примирительно сказала бабушка, и все приступили к еде.

Наевшись пирогов, Андрей и дед отправились налаживать уличную колонку. В шланге, шедшем из колонки, случился прорыв, и его пришлось залатать. Андрей недовольно заметил:

– 21 век идет, а у вас тут не то что горячей и холодной – иногда вообще воды нет... А так-то, знаешь, дед! По-моему, здорово здесь у вас. Если и задуманы были кем-то когда-то дедушки и бабушки, то задуманы они были в деревне, а уж никак не в городе.

– Понял, наконец, студент? То-то. А теперь к окнам присмотришь. Все ведь до последнего в своих лачугах ждали, пока мы воду подадим. Сейчас с флягами потянутся, я их знаю.

Время подходило к одиннадцати. Андрей выгнал новенькую «тойоту» из ограды и поехал к девушке, помня о ночной договоренности.

Наташа ночь спала плохо, часто просыпаясь и думала о брате. Родителям ничего говорить не стала, да им в принципе было глубоко наплевать на детей.

Отец в прошлом был ударником в кайбальском совхозе, но потом окрестные поля засеивать почти перестали, и Николай Заваров остался не у дел. Потеряв работу, стал пить, срывая злобу на жене и детях. Мать Наташи, Зоя Заварова, в девичестве была бабой боевой и приятно по-женски полной. Парни толпами вились подле нее. Она допускала до себя всех, но повода к долгим отношениям не давала никому. Любила красиво одеться и щегольнуть перед деревенскими. Только гармонисту Кольке Заварову хмельной залихватской игрой на тальянке однажды удалось заманить Зойку в лес. Через девять месяцев появился первенец Толька, и жизнь молодой супружеской пары потекла своим чередом. Заваровы получили от совхоза добротный дом, обзавелись хозяйством, позже приобрели «Москвич-412» модели. Теперь от былой красоты Зои не осталось и следа. Пристроившись пить на пару с мужем, она смотреть за собой перестала, почернела, и вскоре все, что было нажито за долгие годы, Заваровы пустили по ветру. Теперь все их богатство было – Наташа да Толька.

Андрей подъехал к покосившимся от хозяйского недосмотра воротам и посигналил. Наташа открыла калитку и вышла на улицу. Девушка была одета в короткую кожаную юбку, плотно облегающую фигуру, и ярко-оранжевый топик. Невысокая, с прямым очаровательным носиком, тонкими губами и длинными ресницами вчерашняя знакомая произвела на парня благоприятное впечатление.

– Здравствуйте, красавица. Машина в Вашем распоряжении, – сказал Андрей в открытое окно.

– А я думала, что ты не приедешь.

Через секунду девушка юркнула в машину, дверь которой Андрей приоткрыл изнутри.

– Ну что?! Поехали?.. Извини, вчера не спросил, как тебя зовут.

– Наташей.

– А меня Андреем. С братом твоим, скорей всего, все в порядке, иначе бы уже сообщили. Так что не переживай.

Дальше ехали, перебрасываясь незначительными фразами. Андрей рассказал, что учится в ХГУ на экономическом факультете, что приехал навестить бабушку, а после поездки в больницу вернется в Абакан и будет устраиваться к отцу на работу.

Приехав в Белый Яр, большое село, располагавшееся в десяти километрах от Кайбал, не без труда отыскали больницу. Девушка сразу направилась к дверям, но Андрей окликнул ее на ступеньках:

– Наташа, нехорошо идти к больному с пустыми руками.

– Ах да, я совсем забыла, – растерянно ответила она и вернулась к машине.

Возле больницы стоял ржавый ларек, куда и зашли парень с девушкой.

– Андрей, а ведь у меня совсем нет денег, – смущенно сказала Наташа, прячась от глаз продавщицы.

– Ну, это не беда. У меня как раз есть немного лишних, – браво ответил парень, выхватив из кармана бумажник, распухший от обилия сотенных купюр. Об этом необдуманном шаге Андрей в следующее мгновение уже пожалел. Стыд залил краской его лицо, когда он увидел, как по-детски удивилась его недавняя знакомая. Он до последнего времени даже не предполагал, что не каждый может позволить себе купить самое необходимое.

Набрав фруктов, они пошли в больницу. Андрей остался в фойе, взяв с Наташи слово, что она умолчит о том, кто ее привез.

Через час Наташа вышла. Она старалась выглядеть веселой, но это у нее плохо получалось – выдавала мертвенная бледность, кстати, шедшая ей. Понимая, что девушка сильно переживает, Андрей с расспросами приставать не стал. Они доехали до Кайбал в полном молчании. Возле дома Наташа сама заговорила:

– Знаешь, Андрей, – большое спасибо тебе. У брата все благополучно, проколотое легкое ему заклеили... Там с ним наши ребята лежат. Они так рады были меня видеть; я ведь вторая из деревенских их навестила. До меня только к Кольке Мухменову мать приезжала. Про тебя, как ты наказал, ничего говорить не стала. Только, пожалуйста, ответь мне: зачем тебе все это надо?

– Ответ напрашивается самый банальный, но у меня пока нет и такого. Ничего, – со временем, думаю, появится. А теперь мне пора, – шутливым тоном сказал Андрей, грустно улыбнулся и уехал.

Наташа долго смотрела вслед удалявшейся машине, силясь понять поступки юноши. Женское самолюбие упрямо твердило ей, что он делал все из-за нее. В свою очередь девушка удивленно отметила про себя, что, только расставшись, она мечтает увидеть юношу снова. От этой мысли приятно защемило сердце.

3

Андрей стоял на пороге отцовского офиса, неловко топчась на одном месте и теребя бумажку, неизвестно каким образом попавшую ему в руки.

Антон Владимирович Спасский, одетый в элегантный кремовый костюм строгого покроя, белую шелковую рубашку, связанную лиловым галстуком, сидел за огромным письменным столом и просматривал накопившиеся счета, бормоча под нос цифры. Судя по непринужденной позе и улыбке, не сходящей с лица, предприниматель чувствовал себя довольно вольготно среди кипы бумаг.

Меблировка в офисе была по-спартански простой. Судя по всему, единственное, на чем не экономил сахарный магнат, так это на технических приспособлениях, облегчающих суровую жизнь современного предпринимателя. Пентиум последней модели, нафаршированный до отказа, модем, телефон, сканер, принтер, факс, ксерокс – в общем, все необходимые атрибуты, позволяющие оперативно обрабатывать непрерывно поступающую информацию и раздавать приказания во все уголки небольшой, но постоянно развивающейся империи.

– Здравствуй, папа, – решил обратить на себя внимание Андрей.

Антон Владимирович оторвался от счетов и сухо, исподлобья стал разглядывать Андрея.

– Привет, сын, – прервал отец ставшее уже тягостным для обоих молчание. – С чем пожаловал?

– Пришел устраиваться к тебе на работу. Ты же знаешь, что у нас летняя практика. Разнарядки на предприятия нет; времена социализма давно канули в Лету. Вот я и решил прийти к тебе... Поможешь?

– А стоит ли тебе помогать, Андрей? Помнишь, как этой зимой я определил тебя в ангар?!

– Разве я плохо справлялся?

– Не спорю – дела у тебя шли успешно некоторое время, но потом ты умудрился поддержать бунт среди рабочих, этих оборзевших наглецов, требующих добавить 50 копеек за отгруженный мешок. Пользуясь твоим участием, они пошли до конца в своих требованиях, невзирая на то, что 20 копеек я все же согласился накинуть. Из-за тебя мне пришлось их уволить всех до одного. Нормально, по-твоему?

– Это был свободный выбор свободных людей, – беззаботно возразил Андрей, гордо встряхнув головой.

– Свободный выбор? Ха-ха. Свободные люди, оставшиеся без средств к существованию. Как Вам, Андрей Антонович, такое? Тебя я тоже уволил тогда, но ведь ты живешь в обеспеченной семье, – а у них, может быть, дети, жены потом долго хорошей жратвы за столом не видели. Это все по твоей милости. И вообще, что тебе надо? – Антон Владимирович в недоумении развел руками. – Все у него есть: собственная машина, кров над головой, карманные деньги... А ты обо мне хоть раз подумал? Я ночами не сплю, забыл, что такое аппетит. Налоги, скачущие галопам цены. Да что я тебе объясняю – сам учишься на экономическом, должен все понимать.

– Я все понимаю, но давай думать о людях. Пора уже!.. Мы вышли из праха и в прах обратимся, ничего не захватив с собой. Не твои ли это слова, которые ты так часто любишь повторять? – упавшим голосом начал Андрей, но на последней фразе заметно оживился.

– В тебе говорит молодость, парень. Я бы даже сказал юношеский максимализм. Пройдет время, и ты остепенишься, станешь преуспевающим бизнесменом и забудешь эти никому не нужные высокопарные речи.

Антон Владимирович легко поднялся с кресла, снисходительно улыбнулся и, подойдя к сыну, ободряюще похлопал юношу по плечу.

– Никогда, папа, я не соглашусь с твоими словами, – спокойно сказал Андрей.

Отец разозлился:

– Никогда не говори никогда, щенок! Чему вас только учат? Не тому ли, чтобы сыновья восставали против собственных родителей, желающих своим детям только добра?! Я хочу, чтобы из него сделали первоклассного специалиста, а он талдычит мне о правах народа. Наш народ – безликая толпа! Понимаешь ты это или нет? Быдло, которое привыкло, чтобы им повелевали. В царское время, в эпоху СССР твой народ только и делал, что жаловался, боялся и жрал водку, упиваясь собственной никчемностью и горькой участью. Этому народу конец, точно тебе говорю. Он итак никогда толком ничего не имел, а за последние 70 лет растерял последнее. Будь благодарен этой стране хотя бы за то, что дала тем, кто хоть немного разбирается в ситуации, выбиться в люди, сосредоточить в своих руках финансовые ресурсы; за то, что не исключает возможности зарождения среднего класса.

– А зародились лишь олигархи да нищие.

– Что тебе до олигархов?! Каждому – свое! Сумей позаботиться хотя бы о самом себе, а он пусть барахтается в привычной для него грязи, этот наш народ. Все же безобразия видят и тем не менее молчат. Трусливое стадо!

– За олигархов я не переживаю. Они улизнут за пределы России при первых волнениях в рабочей среде, а вот нам, драгоценным представителям среднего класса, безусловно, достанется. За неимением лучшего съедят нас, – попытался Андрей склонить разговор на свою сторону.

– Ты несешь чепуху, парень. Обстановка в стране не такая уж накаленная. Всем известно, что наш народ терпелив. Не переживай, на твоём веку волнений не будет, – самоуверенно заметил отец.

– Нет, даже эмигрировать из страны не станут, – рассеянно заключил Андрей, похоже, пропустив мимо ушей реплику оппонента. – Подключат ФСБ, задействуют прессу, телевидение, радио. Если понадобится, всю страну закидают прокламациями, обклеят листовками, чтобы заверить людей в том, что их главный классовый враг – это ты... Так что я и о себе забочусь. Олигархи будут высоко сидеть и наблюдать за своей хорошо спланированной постановкой, а мы, это очевидный факт, к миру голодных и рабов поближе будем, нас и съедят на местах. Люди требуют хлеба и зрелищ. Хлеба в виде того, что мы, средняя прослойка, можем им дать, и зрелищ в виде того, что они, вышедшие из терпения, с нами учинят, захватив по ходу дела и этот банальный хлеб, который мы им так и не захотели предложить. Заметь – во втором случае народ уьёт двух зайцев.

– Мне надоели твои наивные разглагольствования. Если действительно хочешь работать, то пойдешь разгружать краснодарские вагоны с сахаром. Думаю, это поубавит в тебе спеси.

– Наивные???. Время покажет!!!

От отца Андрей поехал домой. По дороге его опять захватили мысли, и он не заметил гаишника, махнувшего жезлом в его сторону. Сигнал милицейской сирены и стальной голос в рупор вывели его из задумчивости. Тойота сбавила ход и припарковалась у обочины.

– Сержант Корастылев, – отдав честь, представился милиционер. – Вы не остановились по моему требованию, предъявите документы.

– Возьмите.

Андрей вылез из машины и стал рыться в карманах брюк. Достал полтинник и виновато попытался его всучить. Сержант быстро взял деньги, предварительно по-лисьи осмотрев улицу и, пожелав впредь быть внимательным, удалился.

– Скотина... Почему каждый день приходится бывать скотиной? – подумал парень про свою персону и со злостью хлопнул дверцей.

4

– Мам, меня отец на работу взял! Угадай кем? – весело крикнул из прихожей Андрей.

– Уж не заместителем ли директора? – отозвалась мать из кухни.

– Нет, обыкновенным грузчиком! Будет у меня практика по опорожнению вагонов! Я не шучу! – радостно воскликнул Андрей, снимая туфли.

– Задор у тебя какой-то нездоровый сынок. Отец совсем с ума спятил... Ты же надорвешься на мешках, – сказала мать, выйдя из кухни.

– Знаешь, мама, мне это надо даже больше, чем ему. Я нисколько не расстроился. Он хочет проучить меня! Что ж – у него ничего не выйдет. Предлагая мне эту работу, он втайне надеялся, что я откажусь. Тем самым он приструнил бы меня. А я нахожу в своей новой должности только плюсы. Пройду, как принято на японских фирмах, все стадии карьерного роста. Чтобы лучше понять рядового рабочего, надо самому побывать в его шкуре... Очень жаль, что эта идея пришла в голову отцу, а не мне.

5

Утром Андрея кинули на вагон. Работа оказалась адской, довела до изнеможения. 60 тонн пятидесятикилограммовых мешков выгружали из составов, перевозили на базы и до верху затаривали склады.

Так прошло три недели нечеловеческого напряжения, заставившие парня распрощаться с недавним энтузиазмом. Познакомившись с грузчиками, он нашел их людьми ограниченными и далекими от всякой морали. Разговоров с ними по возможности старался избегать. Мужики, в свою очередь, тоже сторонились сынка хозяина, приняв его появление в своих рядах за быстропроходимую блажь. Но день пролетал за днем, а парень продолжал выходить на работу, не пользуясь даже тремя днями отдыха, которые, меняясь между собой, брали себе грузчики. Все как на подбор здоровые, они не могли себе уяснить, откуда в блеклом теле Андрея берётся энергия для невероятных усилий.

Освоившись, Андрей заметил, что абсолютно во всех ангарах, куда его приставляли, практикуется выпивка, а заведующие складами смотрят на это сквозь пальцы, несмотря на четкие указания его отца.

Парень работал на совесть, выбирая себе самые трудные участки. К примеру, уже на второй день он попросил поставить его на укладку сахара. Задача заключалась в следующем: мешки кидали друг на друга, и это было достаточно просто, но по мере увеличения стопки до человеческого роста возникала необходимость в разбеге. Рабочий разгонялся, подпрыгивал и заносил мешок наверх.

С такой работой у Андрея начала пропадать мысль, которой парень всегда гордился. Он стал похож на бездумного робота, на автомате выполняющего указания. Теперь Андрей нисколько не удивлялся беззаботной тупости своих напарников, чувствуя без особого содрогания, что еще немного, и он уподобится им полностью. На исходе второй недели в конце рабочего дня Андрей подошел к своему бригадиру и сказал:

– Антоныч, ливани спиртяжки.

– А как же отец? Вдруг просечет?

– Плохо меня знаешь. Я своих не сдаю, – ответил Андрей.

– Тимоха, принеси кружку! Пацан горло промочить хочет! Устал, наверное, бедолага! – крикнул бригадир молодому грузчику.

– Полную, – заявил Андрей, когда увидел, что Антоныч остановился, едва прикрылось доньшко.

– Зачем? Тебе хватит и этого – по за глаза.

– Я сказал полную, – колючим голосом произнес Андрей.

– Полную так полную. Посмотрим, как ты выпьешь.

Андрей поднес стакан к губам, выдохнул воздух в сторону и с каменным лицом выплеснул спирт под ноги бригадиру.

– Что-то я трезвый! Еще!

Испугавшийся бригадир наполнил второй стакан, который тут же последовал на землю за первым.

– Не берет, собака! Еще!

Третий стакан постигла та же участь.

– Ну и спирт пошел! Еще!

– У меня больше нет, Андрей.

– Меня не волнует! Достань из-под земли! – сухо бросил парень. – Тащи все, что у вас имеется в закромах, и чтобы через пять минут передо мной стояли все ваши запасы. Ужасно хочется выпить.

Перед глазами грузчиков, полными ненависти, три двухлитровые бутылки были вылиты на землю.

– Еще! – потребовал Андрей.

– Больше нет. Правда, нет, – закусив губу, промычал бригадир.

– Если нет, то конкретно тебя, Антоныч, я уволю! По сусекам поскреби. Если ничего не найдешь, то все будут работать, а ты на завтра получишь расчет... И напьюсь я сегодня или нет?!

– Ну дает, – пробубнил бригадир, отойдя на безопасное расстояние. – Скоро отец ему в подметки годиться не будет.

– Вот теперь, кажется, зацепило, – пьяным голосом сказал Андрей, опорожнив четвертую бутылку. – Вот всегда так, как кого-нибудь выпившим увижу, сам нажраться хочу. Завидую пьяным, знаете ли.

6

Несмотря на то, что Андрей чертовски уставал после работы, вечерами он каждый день приезжал в деревню и помогал старикам управляться по хозяйству. Бабушка была рада такой перемене во внуке и за столом, попивая чай, взяла за обыкновение рассказывать ему интересные истории, которыми сполна наделила ее жизнь. Андрей с жадностью слушал рассказы об обыкновенных людях, расспрашивал об их судьбах, анализировал, сопоставлял факты, известные ему из истории, с реальным бабушкиным прошлым.

Скоро между стариками и внуком возникла негласная договоренность. Когда наступал вечер, Андрей, задернув занавески и удобно расположившись на стуле, брал на руки кошку бродячей породы и под монотонную бабушкину речь, освещающую все радости и тяготы деревенского быта, дремал. Физическая усталость уходила куда-то, обычное восприятие действительности сковывало язык, и под не прерываемый теперь ничем бабушкин монолог голова, свободная от суеты, предубеждений и присущих человеку черно-белых представлений, получала новую жизнь. В эти минуты с нечеткой гранью между видениями и реальностью слова бабушки о людях и их жизни, верности и предательстве, веселье и печали становились застывшими картинами в ярких красках, которые словно бы писались так, что выхватывали самое существенное и откидывали наносное и ложное. Скупые реплики деда, вворачиваемые к случаю, были своеобразным конечным мазком по полотну событий, и картина становилась завершённой. За короткие летние вечера Андрей, не зная деревенских в лицо, пытался составить их примерные психологические образы.

7

– Сынок, дай, пожалуйста, 10 рублей. Завтра у меня пенсия – возверну.

Сын, Кирилл Прокопенко, стоявший прислонившись к магазинному прилавку, не удостоил мать даже беглым взглядом. Он продолжал беседовать с молодой продавщицей-хакасочкой, которая беззастенчиво кокетничала, расхваливая достоинства завезенных вчера китайских яблок.

Кирилл Прокопенко был, что называется, зажиточным деревенским мужиком. У него имелась мясная лавка на центральном рынке, дававшая стабильную прибыль. У своих односельчан он закупал мясо по довольно высоким ценам, за что пользовался безмерным уважением кайбалцев. В меру пьющий, работающий, он был кроткого нрава, отдав бразды правления своей рябой дородной жене, расчетливой и смекалистой. У Кирилла было двое детей: Паша и Вера. Паша, дабы не забрали в армию, был определен в ХТИ. Дочь готовилась выйти замуж за перспективного парня из города и оставить отчий дом, перебравшись сразу же после свадьбы в трехкомнатную квартиру, со вкусом обставленную будущей свекровью. Злые языки в деревне поговаривали, что девка забрюхатела от Сережки Коростылева, живущего через дом от Прокопенко. Мать Верки, как судачили бабки, отвадила блудливого соседского парня, всячески скрепляя союз дочери с городским, который о беременности подруги ничего не знал, но даже и зная, ослепленный страстью к стройной красивой девушке, как говорили, все равно бы на ней женился.

Мать Кирилла, Василиса Прокопьевна, воспитывала сына одна. Вот уже минуло двадцать лет, как они перебрались из Аршаново в Кайбалы, которые были расположены близко от города, а значит, Кирюша (так она его ласково называла) мог получить среднетехническое образование и стать большим человеком. Кирилл мать во всем слушался, не перечил никогда, и она, в свою очередь, души в нем не чаяла, баловала по возможности, любя послушать, как сын застенчиво благодарит ее. Кирилл выучился на электрика и стал работать в совхозе. Зарплату всю до копейки приносил домой, получая удовольствие от того, что может отблагодарить мать. Отслужив в армии, вернулся домой, а Василиса Прокопьевна к этому времени уже подыскала ему работающую невесту – Люду Комарову. Помогла молодым построиться. Занятые деньги назад не взяла: лишь бы дети были счастливы.

– Ты мне еще 600 рублей не отдала. Как вернешь – приходи, – сказал Кирилл и снова повернулся к продавщице.

Василиса Прокопьевна как-то сразу осунулась, ссутулилась и виновато поспешила к выходу.

– Мальчик мой совсем замотался. У внучки свадьба на носу, за Павлика платить надо, да еще теплицу строить удумал – ну чисто хозяин. Зачем я ему теперь? У него своя семья, свои заботы. Обуза я ему. Материнский долг я перед ним выполнила, дальше жить незачем – удушусь. Бог милостив – простит, – думала старая женщина по дороге к дому.

8

– Тварь, падла зажавшаяся. Говорил Антонычу, чтобы насчет автопогрузчика с ним побакланил. Все полегче клиентов затаривать будет. За скотину нас, падла, держит.

– Угомонись, Антоха. Шеф сам к этому придет. У всех оптовиков цены одни и те же, но на это по фигу. У нас скорость обслуживания низкая, из-за этого куча клиентов срывается.

Антон Тимохин и Егор Кудрявцев пришли на работу пораньше и, ожидая прихода остальных, резались в дурака в специально отгороженном для грузчиков помещении.

В это утро Андрей решил приехать на работу пораньше. Мужики не могли увидеть его, так как сидели к входу спиной. Из случайно услышанного разговора он не упустил ни слова. С невозмутимым видом он пересек прокуренное помещение, разделся и, открыв кабинку, начал напяливать на себя липкую от сахара робу. Чувствуя горечь от оскорбления, нанесенного его отцу, покрылся испариной. К горлу подкатил комок, и Андрей, отвернувшись в противоположную от грузчиков сторону, стал рассматривать бело-голубую стену.

– Что-то здесь запахло падалью, – резко развернувшись, бросил Андрей, дав волю нахлынувшим чувствам.

– О чем ты? – смутился Антон.

– Ах ты! Имей мужество хотя бы признаться в произнесенном! – побагровев, сорвался на крик Андрей.

Руки машинально сжались в кулаки, и он пошел на грузчика. Попытавшийся вмешаться Кудрявцев был откинут стальным, искоса брошенным в его сторону взглядом. Андрей придвинулся к Антону вплотную, внимательно посмотрел в глаза грузчика, как будто желая окончательно в чем-то убедиться, и с оттяжкой нанес два увесистых удара.

– За зажавшееся падло! За тварь!

Антон обмяк и прислонился к стене. Его лицо стало опухать, но на атаку он не решился ответить.

– Гады, твари! Ненавижу вас! Все ваше семейство! Тебя ненавижу! Холеный, сытый – ты никогда не поймешь простых работяг! Чего стоишь? Иди жалуйся! – взревел Тимохин.

– Такого, как ты, даже сдавать не хочется. Посмотри на себя. Ты же жалок. Вы только и можете, что шептаться по углам и в тихушку ненавидеть своих хозяев. Труссы! Вы сами позволяете с собой так обращаться! Чтобы услышать откровенную правду, вас нужно припереть к стенке! Какая уж там борьба за свои права! Болото! – прошипел Андрей, схватив грузчика за грудки.

Целый день Андрей мучился, прокручивая в голове утренний инцидент:

– Что за люди вокруг? Я чужой среди всех. Как меня достал свой собственный, пораженный сомнениями мозг. Жил бы да жил припеваючи. Нет, что-то меня вечно не устраивает. Так дальше нельзя – с ума сойти можно... Сегодня я не был виноват. А если и был, то Антон всё равно больше, чем я. В этом нет никаких сомнений. Надо искать. Время, в котором я живу, дает мне этот шанс. Я впереди всех – это очевидно. Эпоха такая, что пока еще никакая. Какой проект я представлю своим существованием, так и будут жить люди после меня».

9

– Эй, парень, подойди-ка сюда на пять сек! Разговор есть! – крикнул Митька проходящему мимо старой двухэтажки Андрею.

Спасский решил прогуляться перед сном и, отпросившись у бабушки, отправился на улицу. Стемнело. В деревенских окнах стали зажигаться огоньки, словно стайки прилетевших неизвестно откуда светлячков, друзей ночи. Сам не зная для чего, Андрей бесцельно бродил по селу, всматривался в окна, запоминая людей. Кто-то из них смотрел телевизор, кто-то ругался. Отрывисто лаяли собаки, за версту чуя приближение припозднившегося человека. Над головой просыпались мириады звезд, перемигиваясь в ночи с матерью-луной, которая готовилась совсем скоро уступить небосклон остроконечному месяцу.

Андрей услышал, что его окликнули, и не торопясь подошел к группе людей, выжидающе разглядывающих его.

Сразу бросалось в глаза, что Митька Белов в этой компании был заводилой. Он с живостью перемещался от одних к другим; заливаясь смехом, говорил какие-то слова и тут же отходил, выставляя напоказ красную ветровку, которую недавно справила ему мать, взяв с парня слово, что он не будет засовывать свою голову куда ни попадя.

– Слышь, приезжий. Сгоняй за чекушкой. В горле пересохло – страсть, – с притворной мольбой обратился он к Спасскому.

Андрей, не задумываясь, ответил:

– Извини, но ночи сейчас темные. Один я боюсь. Если согласишься составить мне компанию, тогда пожалуйста.

Сага, разберись с ним. У тебя удар послабже, – повелительно бросил Митька.

Сага, смахивающий на медведя, поднялся со скамейки и, что-то бубня, косолапо, вразвалку, как заправский моряк, подошел к незнакомому парню.

– Видел, как в землю забивают сваи? – спросил Сага.

– Нет, но не раз наблюдал по телевизору, как больших самоуверенных парней продырявливают маленькие пули, – ответил Андрей, отодвинув полу пиджака. – Против пушки пойдешь?

Ситуация принимала нешуточный оборот. Сидевшие на лавке враз встали, собираясь дать отпор чужаку. Андрей не сдвинулся с места и окинул присутствующих уверенным взглядом. Митька смотрел на осаженного друга и не знал, как теперь спасти ситуацию. Андрей мало-мало разбирался в психологии и решил, что дабы не нажать себе врага (а самый страшный враг – это враг уязвленной гордости), беззлобно заметить:

– Ребята, я человек мирный. Если не будете приставать, найдете в моем лице хорошего товарища. Зовут меня Андрей Спасский. Я из города.

– И че нам на тебя теперь молиться, что ты из города? – выпалил Сага, пытаясь сохранить лицо.

– Спокойно, пацаны. Это парень мне нравится. Не трус и не шестерка... Кстати, спасибо тебе за перевязанную голову. Я твой должник. Если кто-то будет тебе угрожать, можешь воспользоваться моей помощью, но только один раз. А теперь присаживайся с нами, больше тебя никто не тронет, – облегченно заметил Митька и закурил.

– Я ни в чьей опеке не нуждаюсь, а за приглашение спасибо – с радостью к вам присоединюсь.

– Эта фраза мне еще больше по душе, – быстро парировал Митька, чтобы оставить за собой последнее слово.

Разговор не клеился, как это всегда бывает, когда мы вырваны из привычного для нас круга общения из-за вторжения в нашу компанию незнакомому человека. Митька, как

мог, пытался развеселить сидевших, но все были стеснены присутствием молодого человека, появившегося в их рядах и отвечали на реплики в свою сторону односложно, опасаясь странных улыбок, часто пробежавших по бледному лицу Андрея, когда кто-нибудь из ребят выдавал тривиальную остроу. Постоянные оглядки на городского создали неловкость.

– Скука невероятная, – наконец сказал Митька, зевнув. – Предлагаю совершить татаро-монгольский набег на сад Наглого. Вишня там мясистая и сочная – страсть! Если хочешь, новенький, можешь пойти с нами. За забор пускать тебя еще рано, а на палеве можешь запросто постоять.

– Я остаюсь здесь, – серьезно сказал Андрей.

Антон Кретонов посмотрел на присутствующих и, пренебрежительным кивком головы указывая на Спасского, сказал:

– Парняга измену схавал. Пускай остается и девчонок развлекает, а мы им вишню пойдем добывать.

– Я остаюсь, так как считаю воровство гнусным занятием, и вам ходить не советую.

– Ты что-то больно умный. Не зарывайся, парень, а то когда-нибудь схлопочешь – не от нас, так от других. У Наглого этой вишни – море. Если немного возьмем – от него не убудет. Не бойсь – не обанкротится, – сказал Сага.

– Да, Андрюха, – ты здесь без году неделя, а уже волю свою навязываешь, – сгладил ситуацию Митька.

Парни ушли, оставив Спасского наедине с девчонками. Ему стало как-то не по себе, и он тупо уставился в землю, расковыривая носками туфель жирные комки под ногами. А девчонки, шушукаясь между собой, без стеснения разглядывали смущавшегося парня, звонко смеялись, заставляя Андрея непрестанно краснеть.

К девушкам Спасский всегда питал глубокое уважение, граничащее со слепым восторгом; оно основывалось на том, что природой им было предопределено становиться любящими женами, – надежным тылом своих мужей, – матерями, хранительницами семейного очага, а эти «очаровательные создания», сидевшие сейчас в непосредственной близости, никак не соответствовали тому чистому образу идеальной женщины, который он себе представлял. Прежде он никогда не слышал столько откровенных намеков по поводу своей персоны. Деревенские девушки, жадно оценивающие его сейчас, были совсем не похожи на представительниц прекрасного пола, с которыми он сталкивался в стенах университета и которых обидеть можно было даже рассеянным равнодушием. Они, бесспорно, хотели сейчас добиться его внимания, но делали это, как казалось Андрею, неуклюже, вызывая неприязнь.

Андрей уже собрался уходить, когда разом подкатили разочарованные в неудавшейся попытке ночного грабежа парни.

– Вот черт старый!.. Караулит владения, стрижет поляну гад, – протараторил Сага, пытаясь отдышаться после учащенного бега. – И на старуху бывает проруха. Вы уж нас, девчата, извините.

– А у меня прокола не будет. Я принесу вам эту чертову ягоду, – слетели слова с губ Андрея, не дав еще оформиться мысли.

– Не понял. Мы не смогли, а ты сможешь? – спросил раскрасневшийся от вынужденного бега Белов.

– Смогу.

– Тогда пробуй, – подбодрил Данилин Олег, добродушный спокойный парень, пока, впрочем, водка не попадала ему в глотку – тут уж пиши пропало.

– Но у меня есть условие. Только в этом случае я буду рисковать собственной шкурой. А условие такое: никто из вас воровать больше не пойдет. Согласны?

– Эй, ты че нам усло...

– Согласны. Даем тебе честное слово, что больше туда ни ногой, – перебил кого-то Митька. Перекресток Качинского переулка и Ленинского Комсомола. Надеюсь, найдешь.

– Иди, иди. Наглый – зверь... Хотелось бы поглазеть, как он зарядит тебе из своей берданки... в мягкую область... Хотя нет – у парня же пушка, он перестрелку со стариком устроит, – понеслось вслед.

– Интересно: почему Наглый? Фамилия у него такая или прозвище? – задумался Андрей по дороге.

Четкий план действий в его голове пока не созрел, но кое-какие наметки появились. Парни пошли окольным путем, он же решил избрать дорогу прямую. На вероятность в успешном завершении дела надежда была небольшой, но все же она существовала.

У Андрея была одна странность. Он с детства чувствовал ответственность за поступки едва знакомых ему людей. За парней ему сделалось стыдно и обидно только потому, что он имел неосторожность с ними познакомиться и стать свидетелем готовящейся с их стороны мерзости. Но Андрей их не винил, думая, что все дело в губительной тлетворной среде, неопределенности и беспросветности.

– Крестьянин – это же от слова христианин, – человек, который честно, а никак не воровством добывает себе хлеб в поте лица. Почему сегодня по воле непонятого рока это слово исчезло из русского лексикона? Крестьянина заменили фермером, этим чуждым нашим традициям иностранным заменителем. Крестьянство когда-то было опорой государству, а не подпоркой, как сегодня. В высшем обществе это понимали и стремились облегчить жизнь простого мужика, дав ему волю. С 1861 – ого, года отмены крепостного права, минуло три поколения рабов, и на свет нарождались люди, не помнящие бесправия в отношении их пращуров. Вольный пахарь, взявшись за плуг, только начинал наливаясь соками, матереть, только стал осознавать свою значимость и незаменимость для государства... – и грянул семнадцатый. Свершилась революция, и Россия оказалась отброшенной на несколько десятилетий назад. На арену истории снова взошли рабы – рабы государства. Интеллигенция была стерта с лица земли, и некому стало прикрывать мужика. От привилегированного класса остался лишь могильный пепел от полыхающего некогда костра, от мужика – земля, ему до сих пор не принадлежащая, – размышлял по дороге Андрей.

За раздумьями он не заметил, как подошел к деревянному срубам Наглого. В замешательстве остановился, облокотился на зеленый палисадник, не решаясь сделать первый шаг к своей цели.

Собравшись с духом, пронзительно свистнул. Сердце, ощутив тесноту, панически замешалось в груди, и Андрею показалось, что вся деревня должна услышать страшное биение. На тело навалилась усталость, ноги подкашивались, в голове помутилось.

В этот момент скрипнула калитка, и перед глазами парня вырос лысоватый сгорбленный дед, одетый в рубаху с косым воротом, военное галифе и калоши, с торчащими из них шерстяными носками.

– Наглый – это фамилия, – мелькнуло в голове.

– Здравствуй, дед.

– Здоровы были.

– Я, дед, вот по какому вопросу. Хотел вишни у тебя попросить. Говорят, во всей округе такой не сыщешь.

– Говорят, в Москве кур доят, а вишня у меня, правда, добрая. А ты, случаем, не из тех сорванцов, которые уже были? – с хрипотцой курильщика спросил старик.

– Нет, не из тех. То есть, врать не буду, именно из тех, – ответил Андрей.

– Врать не стал. Молодец... Ну, чё встал как вкопанный – проходи. Будет тебе вишня.

Таким приемом Спасский был ошеломлен. Удача сама пришла в руки – негаданно, но так приятно. Дед оказался не таким уж строгим, каким намалевало его сознание.

Так часто бывает, что мы, подверженные влиянию со стороны досужими разговорами обывателей, заранее составляем негативное впечатление о людях. А человек многолик: с кем-то добр, с кем-то зол – по ситуации. Может, корни такого восприятия кроются в природе нашей? Мы инстинктивно стремимся разглядеть в окружающих темные стороны, чтобы успеть собрать в комок нервы и помешать покушению на наше эго. Треть жизни мы проводим в таких размышлениях. Радует, если наши предположения о людях оправдываются; огорчаемся, если человек оказался не таким уж плохим, каким мы его себе представляли, и часто забываем о том, что надо просто жить. Жить и верить людям, не терзая себя сомнениями по поводу того, что подумают о нас, что ответят; и самим не отыскивать потенциальную подлость в других. В чужую душу не проникнешь, в своей-то не каждый разберется.

10

Кусты вишни были посажены квадратно-гнездовым способом на значительном расстоянии друг от друга, чтобы легче было к ним подходить и собирать ягоду. Вишня была единственной культурой, размещенной на приусадебном участке, исходя из негласных понятий о правильности. Все остальное росло в беспорядке, точно семена в унавоженную землю занесло в наглинский сад из дальних краев, и так рыхлая почва зернышкам приглянулась, что здесь они пожелали пустить корешки, пробиться к солнцу, вырасти в деревья и радовать бесцветные глаза дряхлого деда.

Особой гордостью Наглого были яблони, щедро награждавшие старика глубокой осенью. Ранней весной дед никогда не формировал крону у садовых деревьев, считая такое занятие преступным насилием над природой, и позволял своим красавицам-грушам, невестам-яблоням, скороспелому ранету, неприхотливой сливе расти, как им вздумается. Единственное, чем занимался дед, так это тем, что делал подпорки для обессиленных ветвей, клонившихся от тяжести плодов.

Сад был его детищем, его сыном. Зимой дед валялся на печке, а ранней весной выползал на улицу к своим деревьям и проводил среди них большую часть дня, вяло реагируя на призывы старухи вернуться в дом.

Вишня не густо облепляла ветки, из-за этого была крупной, мясистой – так и просилась в рот.

– Дед, с какого куста собирать?

– А какой на тебя глядит, сынок, с того и сымай. Я ж не только для себя этот сад устраивал. Всю жизнь мечтал, чтобы люди, ребятишки ко мне приходили, а я бы присел на завалинке да наблюдал бы за ними, сердцем оттаивал. А сейчас они не с прощением приходят, а как разбойники вламываются. Ладно, если бы просто брали, не пакостили. Так нет же – поломают все после себя, порушат, оставляя срам... Времена-а-а, – сокрушался старик.

– Да, дед – варварство.

– А ты чей будешь? – спросил Наглый с любопытством.

– Спасский я, Андрей Ваныча Шатова внук.

– Знаком я с твоим дедом-то. Бригадиром у нас работал. Давно-о-о это было. Дюже строгий Андрей Иванович был. Я тогда спиртяжкой увлекался, так он нас гонял. – Наглый заметил протянутую к нему руку с деньгами. – Спрячь от греха, лучше не разуживай меня.

– Возьми, дед – пригодятся, – настаивал Андрей, подмигивая.

– Иди ты, – выругался старик и скрылся в ночи.

Набрав полпакета, Андрей вернулся к оставленной им недавно компании. При его появлении разговоры смолкли. Глаза парней и девушек заскользили от его фигуры к пакету. Такого развития событий, судя по всему, не ожидал никто. С мрачным видом Спасский раздал ягоды девушкам.

– Действительно наглинские. Я их ни с чем не перепутаю, – причмокивая, заметила Галя Козельцева, веселая девушка с вздернутым носиком

– Поди, со стороны Пархоменко к саду зашел? – недовольно прищурившись, спросил Митька. Его грызла обида из-за того, что из их затеи ничего не вышло, а этот парень смог справиться в одиночку.

– Не темни, говори, как достал, – сказал Данилин.

– Проще не бывает... Попросил! Хороший дед. Зря вы на него бочку катили.

– Ну, Спасский, угодил ты девчонкам. С сегодняшнего дня мы будем звать тебя Спасом.

– Не люблю прозвищ.

– Это не прозвище, а погоняло. А насчет того, что к Наглому мы ни ногой, то с этой минуты так и будет. Белов свое слово держит... А вот по поводу остальной деревни – ничем помочь не могу, – изображая идиота, сказал Митька.

11

Когда однажды Андрей приехал с работы в деревню, бабушка рассказала ему новость: сгорел от спирта молодой парень.

Водка стубила многих в Кайбалах, собирая ежегодную дань за пристрастие к дурманящему состоянию, позволяющему забыть об усталости, обязательствах перед близкими, ответственности за поступки, – забыть о самой жизни.

Мать Ивана Потылицына, недавно похоронившая в Краснодаре сестру, поседела от горя. Три ночи подряд она не отходила от своего Ванюши. Целовала его, орошала слезами; материнский ум до последнего отказывался поверить в то, что ее ласковый и работающий мальчик, которого она кормила грудью, отводила за крохотную ручонку в первый класс, провожала в армию, лежит недвижим в деревянном, обитом красной материей гробу – и никогда, никогда больше не встанет, не пройдет по улице, не попросит у нее совета по какому-нибудь пустяковому вопросу, никогда не подарит ей внуков.

– Баба, до чего докатилась страна?! Люди гибнут! Гибнут люди, баба! Выпивка стала смыслом жизни для многих, если не для всех!

– Ее всегда пили, сынок. Спокон веку, – грустно заметила бабушка.

– Плевать мне на то, что было, – с негодованием сказал Андрей. – Я сейчас живу и не надо мне говорить, что так было всегда. Можно понять, когда ее пьют по великим праздникам для увеселения, но когда ее пьют потому, что пьют; потому, что устали, заболели дети, кончились деньги, попал в тюрьму сын, не понимает жена. Это кому-нибудь выгодно? Этой страшной жидкостью можно заглушить все: веру в себя, отечество, в лучшую жизнь и свободу.

– Люди сами виноваты.

– Нет. Это, баба, система, – замотав головой, обрубил Андрей. – Она не тело губит, а душу.

– Странный ты, Андрюшка. Суший инопланетянин.

– Да, да. Хочешь, чтобы народ замолчал, оступел, стал легко управляем и терпел – дай ему водку и забери просвещение. Тогда он будет топить свое горе в вине и обвинять во всём ближайшее окружение, но у него и мысли не возникнет, что это дьявольская система, которую нам навязали и тут же прикрылись ею со словами: «Народ ни на что не способен. Он ленив, тупоумен, поэтому мы ему ничего не дадим. Пусть сначала изменится». А люди не изменятся, тем более в деревне.

– Андрюшенька, а как же Ельцин? Тот тоже пил, а он оттуда, – сказала бабушка, уперев палец в небо.

– Не надо о десятилетнем национальном позоре.

– А куда от него, позора этого, денешься? Ничего у нас нет, а позор есть. На всех общий.

12

Ваню хоронили на деревенском кладбище всем селом. Вереница машин растянулась на сотни метров. Ко дню похорон у матери не осталось слез. Когда в гроб готовились забивать гвозди, она упала на грудь сына и рвала на себе волосы, сетуя на горькую судьбу за то, что не дала ей пережить родное дитя. Лишь первые комки земли упали в могилу, зарыдал отец. Крупные мужские слезы выкатились из глаз, больше не стесняясь людей.

Андрей присутствовал на похоронах. Ваню он при жизни не знал и, приехав на кладбище, хотел не попрощаться с усопшим, а посмотреть на живых: изменятся ли люди из-за случившегося?

Он стоял в сторонке, в одиночестве переживая за мать и отца умершего парня.

– Нет, не вижу понимания. Не дошли до глубинного смысла, не поняли», – сверлила мозг одна и та же мысль.

– Надо поговорить, городской, – тронув Андрея за плечо, сказал Митька.

– Слушаю.

– Он был моим другом. Я рос с ним с детства, за одной партой сидел, и все в один момент ушло.

– Не объясняй. Я все понимаю.

– А ты смог бы по...

– Даже и не сомневайся. Я к этому давно готов. Готов настолько, что ты даже не представляешь насколько, – проговорил Андрей.

– Но ты ведь не знаешь, о чем я хочу тебя попросить.

– Да, не имею ни малейшего понятия, – сказал Андрей, посмотрев на своего собеседника испытующим взглядом. – Но полжизни бы отдал, если бы ты намекал на спиртовиков.

– Опа? – искренне удивился Митька. – Ну ты, в натуре, даешь. В точку попал. – Он быстро отвел глаза и злобно посмотрел в сторону. – На их совести смерть парня. Месть гадам.

– Не говори так. Возмездие – вот подходящее слово... Здесь не самое подходящее место. Давай встретимся сегодня в семь часов на берегу за Малым мостом. Там все и обсудим.

– Лады. Только обязательно приди.

13

Когда в условленное время Андрей пришел на встречу с Беловым, то оказалось, что Митька там не один. Бригада в составе шести человек, рассевшись в кружок на траве, терпеливо ожидала Спасского.

– Здорово, пацаны.

– Привет, Спас, – ответил Митька за всех.

– Ближе к делу, – бросил Андрей. – Какой будет план?

– Я предлагаю драку, хорошую драку, Спас. Митька говорил нам про какое-то возмездие. Какое, мать твою, возмездие? Они убили парня и должны заплатить за его смерть! Правильно я говорю? – сказал Костя Чеменев, невысокого роста хакас с резко очерченными скулами.

– Да... Костян в тему сказал... Бить этих козлов!.. В глотку им спирт залить! – понеслось со всех сторон.

Андрей подождал, когда возгласы негодования стихнут:

– Спокойно, пацаны. Вы видите проблему слишком узко. За этой смертью последуют другие, если мы в корень не пресечем торговлю этой гадостью. Я хотел бы, чтобы вы осмыслили ситуацию в комплексе. Не в некачественном спирте дело, не в отдельных личностях, которые им занимаются. Хотя они, безусловно, тоже виноваты; а в том, что его продажу следует убрать полностью. Навсегда!

– Слышь, Спас. Не наводи муть. Ответ конкретно: с нами ты или нет? – перебил Шаповал.

– Ладно. Не понимаете сейчас – поймете позже, – пробурчал Спасский себе под нос и громко продолжил: «Я с вами, но у меня есть кое-какие соображения по данному поводу. Во-первых, бить никого не надо, иначе заберёт милиция. Следует просто конфисковать спирт. Желательно без погромов, а то опять же загребут... Да, кстати, а зачем я вам нужен?»

Пацаны переглянулись.

– Ты единственный, кто сможет подбить остальных, – решил ответить Митька. – Мы хотим начать мятеж с клуба, а на всех спиртовиков нас слишком мало.

– Я согласен, но вы должны принять мои условия. Это в ваших же интересах.

– Пусть проваливает к чертовой матери! Еще городские нам условия не ставили! Управимся и без него! – сорвался на крик Сага. – Говорил же, что не надо его звать.

– Остынь! Спас дельные вещи говорит. Я также, наверное, как и вы, не хочу загреметь в тюрьму. Но и без внимания смерть Ваньки мы оставить не можем. Все сделаем так, как посоветовал Спас. Доволен?

Митька впился в лицо городского.

– Доволен, – сказал Андрей. – В субботу мы им покажем, где раки зимуют.

14

Через два дня в клубе снова шли танцы. На этот раз пьяных почти не было видно; только шепчущиеся о чем-то группы подростков.

Андрей тщательно приготовился к субботнему вечеру. Он подумал о том, что раз ему выпала честь представлять сегодня возмездие, то следует и одеться соответственно: в кожаный чекистский пиджак, темные брюки и алую рубашку. К началу дискотеки Андрей не спешил, настраиваясь на успех.

- Что-то Спаса долго нет. Подводит, блин, – обратился Белов к Шаповалу.
- Испугался, наверное. Лично я ему никогда не доверял.
- Придет. Задержался просто.

После этих слов Митька пружинисто оттолкнулся от кресла и пошел в фойе, уже начиная поддаваться сомнениям, недавно зародившимся в его душе и так ловко озвученным его товарищем. В проходе столкнулся с Андреем. Молча пожали друг другу руки.

Не дав Митьке опомниться, Спасский, чеканя шаг, прошел в зал и включил свет. Танцующие ступевались, как это всегда бывает, когда после привыкания к темноте в глаза неожиданно ударяет волна яркого света.

– Я пришел сюда, чтобы бросить вам в лицо горькую правду, – горячо начал Андрей. – Не прошло и трех дней, как вы навсегда попрощались со своим односельчанином... Он отравился, но мог бы жить! Умер он, но на его месте могли бы оказаться вы! Смерть выбрала его, а вы должны были понять, что это предупреждение, сделанное вам. Разве можно сейчас оставаться на месте? Разве честно по отношению к нему и к самим себе оставить все, как есть? Вас травят, как подвальных крыс, а вы будете танцевать! Но не на полу! На неостывшем прахе своего товарища!.. Он смотрит на нас с небес, а мы выжидаем! Кто следующий? Я вас спрашиваю: кто следующий?

Сергея Бакаев, парень двухметрового роста с могучим торсом, подлетел к Андрею и рявкнул:

- Ты что это народ баламутишь, людям отдохнуть не даешь, падло? А ну катись отсель! Два кулака обрушились на гиганта и повалили его на пол, не дав продолжиться разговору.

– Чем больше шкаф, тем громче падает! – констатировал Сага, потеряв окровавленные костяшки о майку.

– Передай матери, гнида, что сегодня вашим спиртом я заправлю батин мотоцикл, – склонившись к Бакаеву, прошипел Митька.

- Я вас всех прикончу... За что? – заклокотал Серега.

– За что? За все хорошее! Не фиг под руку лезть! Сначала Ваньку верни, сука, а потом права качай! – взревел Белов и махнул своим парням, сидевшим в разных концах зала.

Парни вскочили с сидений.словно горячие молекулы броуновского движения, они стали расталкивать нерешительных, направляя толпу к выходу.

15

По прошествии нескольких часов произойдет такое, что в районной газете «Сельская Новь» будет значиться под заголовком «Варфоломеевская ночь».

Разъяренные отряды молодежи ворвутся в дома спиртовиков, станут бить стекла, крушить мебель и конфисковывать спирт. Корреспонденты республиканских газет на время забросят свои скучные заметки о повышении тарифов на электроэнергию, забудут о чиновничьем произволе, о законопроектах правительства и со всех концов Хакасии съедутся в село Кайбалы, чтобы увидеть участников погромов, глотать информацию из первых уст и на всех парах мчаться в редакции.

Рейтинг «Абаканских ведомостей» взметнется до небес. Статья журналиста Конева, взявшего интервью у зачинщиков ночных беспорядков, будет цитироваться на улицах и площадях городов.

Небывалый общественный резонанс, вызванный погромами, приведет к тому, что доблестная милиция станет осуществлять, может, и вовсе незапланированные на летний квартал рейды по изъятию спирта у населения.

Белов, Сага, Данилин Олег и многие другие ребята станут героями, борцами за справедливость. Цитата «Сибирского вестника» гласила: «С падением железного занавеса страну наводнили не только товары импортного производства, в Россию неудержимым потоком хлынули наркотики и дурные нравы, казалось бы, заставившие потерять поколение 80-ых... А оно живо. Примером тому может послужить кайбальский случай, когда не старшее или среднее поколение взялось покарать нечистоплотных граждан, а деградирующая, на первый взгляд, молодежь».

Не избалованные вниманием деревенские ребята будут наперебой хвастаться своим вкладом в «горючий мятеж» (под таким названием он войдет в историю), выносить на обсуждение общественности свои мысли по поводу того, как де всем плохо живется и как пора де что-то менять.

Не останутся в долгу и спиртовики, от которых в адрес участников погромов посыплются заявления, но встречных исков будет намного больше, и дела замнутся. Впрочем, через несколько дней в деревне вновь развернется торговля бодягой, но детям и подросткам спирт продаваться уже не будет.

Только про Андрея в прессе не будет сказано ни одного слова. Он откажется давать интервью по причинам, понятным только ему, а его товарищи, озабоченные собственными персонами, забудут упомянуть своего нового знакомого.

16

– Откройте, пожалуйста, дверь, – спокойно попросил Андрей.

Он стоял на лестничной клетке старой двухэтажки вместе с десятью ребятами, пошедшими за ним.

Парни в ту ночь разделились на три группы. Большая часть, человек 15—20, повалила за Беловым. Шесть парней отправились вслед за Олегом Данилиным.

– Зачем? – ответил старушечий шепот из-за двери.

– Хочу спирт купить.

Дверь, взвывая несмазанными петлями, приоткрылась. Изборужденное морщинами лицо с седыми включенными волосами показалось в дверном проеме.

– Давайте деньги, – устало крякнула старуха.

Дима Пакерман подставил ногу между косяком и дверью. Злобно улыбнувшись, сказал:

– Все, старушенция, – отторговала свое. Залетай, пацаны!

Глазам ввалившихся предстал убогий коридор. Обшарпанный, давно не беленый потолок с коричневыми пятнами из-за постоянного протекания от верхних соседей казался крышей тюрьмы. Со стен струпьями свисали клочки обоев. Смрадный запах нечистот и сторевших семечек наполнял дом. Казалось, что с невыносимой вонью здесь поневоле давно сдружился каждый сантиметр квартиры.

– Где спирт? – спросил Спасский, но ответа на вопрос не последовало. – Все обыскать, раз хозяева молчат.

Ребята разбрелись по комнатам и с бешеным восторгом безнаказанности подняли дом верх дном.

Андрей прошел на кухню. Лицом к входу, вцепившись руками в волосы, сидел на табурете дед. Старуха спрятала свое лицо у него на плече, и по непрерывно вздрагивающему телу можно было определить, что она плачет. Дед поднял голову и увидел Андрея. Глаза старика покраснели и наполнились слезами.

– Простите нас, но так надо, – твердо сказал Спасский, но тут же отвернул голову, не в силах наблюдать страшную сцену.

– Так, по-вашему, надо?.. Изверги, нелюди вы! Будьте вы прокляты!.. А кто-нибудь из вас знает, какая у нас с дедом пенсия на двоих?! Знает, что на нашей шее сидит сын алкаш?! Жена его бросила, а дите нам оставила. И дите нам поднимать, ведь до него никому из вас нет дела! Будьте вы прокляты! – истошно завопила старуха и, как полоумная, заметалась по кухне.

– На чужом горе своего счастья не построишь, – сказал Спасский, развернулся и направился в комнату.

Спирт к этому времени уже нашли, вылили его в туалет, а теперь разбрасывали вещи, ломали стулья, матерясь и дико хохоча. Андрей не решался остановить подростков, сейчас это было уже бесполезно. И вдруг в дальнем углу комнаты что-то закопошилось. Спасский увидел маленького мальчика приблизительно четырех лет. Тот не плакал, не кричал, даже не закрывал лицо руками. Он молча наблюдал за погромом, сжавшись в комочек, и что-то лепетал на детском наречии. У Андрея закололо в сердце, он не различал полуголового тельца, видел только огромные испуганные детские глаза, в которых мелькали страх и непонимание.

– Боже, что я натворил, – пробуравила мозг мысль.

Андрей подскочил к ребенку, опустился перед ним на колени, обнял и прикрыл его.

– Не смотри, мальчик, – шептал он в крохотное ушко, – ради всего святого не смотри. И прости меня, но так надо для всех. Да, чтобы ты и твои дети жили лучше... Я молю тебя об одном: все, что увидел сегодня – забудь, сотри из памяти.

Слезы самопроизвольно потекли по лицу Андрея и стали падать на спинку Кирюшки.

17

Митька Белов со своими парнями уже обошел три точки. Бакулиха, тетка Маша, семья Ерохиных после непродолжительной борьбы расстались с основным источником своего дохода. Всякое сопротивление только раззадоривало парней. Их было много, они были силой, праведной мощью, карающим мечом. Сегодня им было дозволено все.

Белов чувствовал себя на подъеме. Он вел за собой людей, защищал справедливость и мстил за Ваньку. Семена ответственности впервые были заронены в нем, поэтому под его руководством погромы на сей раз не приобрели вселенского размаха, по мере возможности он пытался сдерживать парней. Но что-то не складывалось. По его мнению, сегодня он был слишком хорош. Убедив себя в этом, Митька решил, что незаметная конфискация ерохинских командирских часов создаст баланс между «слишком хорошо» и «слишком плохо». Укрыв, душа успокоилась, получив сигнал от пакостных рук, а ноги зашагали быстрее. Потом опять не заладилось. На этот раз, на его взгляд, не доставало какого-то эффекта в их выступлении, своеобразной изюминки, конечного завершения. Суетливый мозг сразу же нашел выход.

– Борьба со спиртовиками – это борьба с зеленым змием, а змий должен быть наглядным, – не успел подумать Митька, как уже отдал приказ ребятам, тащившим спирт, разлить содержимое алюминиевых фляг по самой большой улице – улице Ленинского Комсомола. В воздухе засверкали огоньки подожженных ребятами спичек.

– Are you ready for a good time? – пропел Митька на ломаном английском.

– Ес, ыт ыз, – откликнулся Сага, коверкая единственную знакомую ему фразу, но она прозвучала в тему, так как Белов позаботился о том, чтобы вопрос неизбежно совпал с ответом.

Зелёно-голубое пламя, раскачиваясь на линии огня в разные стороны, с бешеной скоростью понеслось на другой конец улицы.

18

Андрей немного поотстал от остальных. Его отряд шел на соединение с ребятами Белова. Когда Спасский вырулил с Качинского переулка на Ленком, «змий» как раз набрал скорость и бросился парню в глаза. Спасским овладел панический страх. Привыкнув аналитическим умом своим видеть во всех явлениях взаимосвязь, он решил, что в эту ночь сделал что-то не так и сломя голову помчался прочь. Очнулся за известным нам Малым мостом.

Сел на бережку, разулся, закатал брюки и, свесив ноги в воду, задумался:

– Как последний трус бежал. Этот ребенок, он не выходит у меня из головы. Разве он в ответе за проступки других? Теперь благодаря мне из него запросто может вырасти сорняк. А с этими своими мыслями я глупец. Нет, я смешон. Глупый шут, в общем. Расскажи сейчас, что меня мучит, и все зайдутся от смеха и правильно сделают. Кто я такой? Богатенький сынок – вот кто! Что я знаю о них? Что я, в конце концов, знаю о себе? Чтобы привить им свои идеалы, надо жизнь прожить с ними, к каждому найти ключик, подыскать слова. А я – я заурядный человек. Не Наполеон и не Мессия. В честь чего я вдруг решил, что то, на что не способно даже государство, будет дано мне. Дурак! Трижды, причем.

19

– Санька!.. Вернулся! – кинулась на шею сыну Анна Андреевна.

– Привет, мама, – сухо ответил Саня, стесняясь нахлынувших на него чувств.

Александр Мирошниченко вернулся из армии. Он приходился Андрею двоюродным братом. Дружба завязалась у них давно, еще с детских лет. Они делились друг с другом своими проблемами, вместе мечтали о будущем. Если случалось напакостить, каждый стремился взять вину на себя и выгородить другого. Дрались тоже всегда плечом к плечу. Потом дороги разошлись на время: Андрей – в институт, Санька – в армию.

– А где батя? – спросил Санька.

– В рейс ушел, но сегодня должен вернуться. Совсем отца дорога изматывать стала. Годы уже не те. Здоровье ни шатко, ни валко.

– А Андрейка где? – тут же задал вопрос Санька.

– Андрейка-то? У бабы в деревне твой Андрейка. Зачастил он к ней последнее время. То пушкой нельзя загнать было, теперь не выгонишь, – ответила Анна Андреевна, любуясь сыном.

– Братец в своем репертуаре, но что-то здесь не то. Деревня не его стихия. Я его натуру знаю.

Поговорив немного с матерью, Санька поехал в Кайбалы. От города они не далеко – всего 12 километров. Он сошёл с автобуса и медленно побрел в деревню. Любимые с детства запахи набивались в нос; радостно шныряли по сторонам глаза, радуясь до боли знакомым местам. Два года минуло с тех пор, как всей деревней гуляли на его проводинах. Несмотря на то, что жил в городе, учась сначала в школе, а потом в институте, Санька с пятницы до понедельника неизменно околачивался в Кайбалах. Здесь его знали все, да и он всех знал. Он был упертым, своевольным, но бесхитростным; с деревенскими парнями и девчонками сошелся быстро и стал своим в доску. Санька всегда знал, где какие слова с губ скинуть, чтобы никого не обидеть и не унизиться самому. Чтобы жить спокойно, без насмешек и наездов в свой адрес, он несколько раз получал хорошую трепку от самых ярых деревенских забияк, зато те, кто послабже, потом задирать его опасались, да и забияки вскоре отстали. Но на этом Санька не остановился. Чтобы окончательно вырасти в глазах деревенских, он с некоторыми неблагонадежными кайбальцами пару-тройку раз сходил на гиблые дела и приобрел (на всякий случай) еще и репутацию отмороженного.

– Два года пролетело, а здесь все по-прежнему. Вон и ребята возле клуба тусуются, будто и впрямь не уезжал, – подумал Санька, увидев впереди фигуры людей.

– Санчо, ты что ль? – первым увидел вынырнувшего из темноты Митька.

– Я! Кому ж еще быть? – откликнулся Санька и крепко пожал приятелю руку.

– Мы тут такие дела вытворяем – вся округа ходуном ходит! – хвастливо заметил Митька. – Популярные мы стали – страсть. А кстати, брательник твой тут. По малой нужде отошел.

Андрей вышел из-за клуба, а Санька тем временем спрятался за спины девушек, которые сидели на бетонном крыльце клуба и ждали продолжения истории, которую рассказывал городской.

– Итак, на чем я закончил?

– На Сергии каком-то, – сказала Лера Левченко, полненькая девушка с запровленными за уши русыми волосами. – Только ты, пожалуйста, попонятнее говори, без всяких там научных словечек и вообще.

– Хорошо... На Сергии, значит... Жил во времена Дмитрия Донского такой старец – Преподобный Сергей Радонежский... Когда Дмитрий Донской пришел к нему за благословением на битву, Сергей сказал напутственное слово, перекрестил заочно все русское воинство

и отправил с московским князем двух монахов: Пересвета и Ослябю. На Куликовском поле русская рать одержала победу. – Спасский задумался, надо было украсить историю. – А еще в стародавние времена была такая традиция. Два самых сильных воина перед боем выезжали вперед войска и мерились силами. Сошлись, значит, иннок наш Пересвет и монгольский богатырь Челубей в смертельной схватке. Удар при столкновении воинов сильный был, и оба они на землю замертво упали. А татаро-монгольское иго над Русью сто лет после этой битвы еще тяготело, но первая победа стала толчком для дальнейшей борьбы с захватчиками. Вот такая история. Завтра я расскажу о правлении Ивана Грозного.

– Я чё-то не поняла. Победили, а сто лет еще страдали, – сказала Алена Устюжкина.

– Это как с немцами. Мы же их победили, а живем хуже, – хитро высунулся из-за спин Санька и от души рассмеялся.

– Санька! Братишка!.. Приехал! – опешив от радости, закричал Андрей и через мгновение сграбастал брата в охапку. – Какими судьбами?.. Тьфу ты. Что говорю, сам не знаю! Приехал!

Деревенские заулыбались. Братья так сильно отличались друг от друга, что это было видно даже невооруженным глазом. Казалось, что в объятьях оказались свет со тьмой. Смуглый Санька с большими восточными глазами, тесаными выдающимися скулами и черными как смоль вьющимися волосами; яркий бесовский взгляд хулигана, порывистые движения, не сходящая с лица то ли улыбка, то ли ухмылка. И бледное, строгое лицо Андрея. Светло-русые коротко постриженные волосы, спокойный взгляд.

– Андрей, прости, пожалуйста, но можно тебя отвлечь. Разве христианской религии не противоречит поступок Радонежова? – спросила Наташа Заварова.

– Радонежского, – поправил Спасский.

– Да, конечно. Прости. Ведь он же на смерть благословлял наши дружины.

Андрей не ожидал такого вопроса. Отвечать первое, что взбредет в голову, было не в его духе. Отстранив брата, сказал:

– Я, знаешь, вот, что подумал. Радонежский поступил, на первый взгляд, неправильно, но если копнуть глубже, он же всего себя своим поступком за людей отдал. Он не желал смиренно смотреть на бесчинства татар по отношению к нашим людям. Мог бы спокойно сидеть в Лавре и душу свою беречь. Но нет. Он был другой... Он на «убий» дал добро!!! Понимаешь? Сергей знал, что за благословление на бой ему перед Богом придется держать ответ; и он решился, себя забыл ради русского народа, хотя ему было известно, что с благословением ли или без русские всё равно бы сражались. Он, может, всю жизнь потом мучился, грех за себя и за всех отмаливал.

– Ну, дает, – сказал Санька и полностью переключил внимание на свою персону.

Андрей отсел в сторонку, подложив руки под подбородок, и внимательно слушал брата, травившего солдатские байки.

– Вот это истории, – заметил Митька. – Не то, что у тебя, Спас.

– Говори за себя, – сказал Забелин.

– Он полностью прав, – сказал Спасский. – Мне пора.

– Да куда же ты, Андрюха?! – крикнул Санька вдогонку, но, увидев, что тот не реагирует, быстро со всеми попрощался и побежал догонять брата.

Бабушка уже спала, когда ребята зашли в дом. Деда нигде не было видно, вероятно, остался ночевать во времянке, там было попрохладней. Санька, улыбаясь, некоторое время разглядывал бабушку, потом стал озираться вокруг, предполагая натолкнуться хоть на какие-то перемены, но все, как в незапамятные времена счастливого детства и беззаботной юности, покоилось на своих местах. Тот же коричневый комод с позолоченными ручками, над ним старинные часы с кукушкой, письменный стол у окна, в углу под потолком икона Божьей Матери,

на стене – ветхий ковер с оленем на переднем плане, вдоль печки провисшая веревка с сушившимися на ней носками. Все, как было.

Став взрослыми, мы часто убегаем воспоминаниями к нашему детству. Незначительные эпизоды, которым, будучи маленькими, мы не придавали особого значения, обретают новый смысл. Человек подчас все на свете готов отдать, чтобы окунуться в атмосферу какого-нибудь детского случая. Теперь, с высоты прожитых лет, он склонен пережить этот случай, восторгаясь каждой мелочью, умиляясь каждому слову, но прошлого вспять не воротишь, колесо времени продолжает неумолимый бег. Вспышки воспоминаний из детства, продираясь сквозь заросли суеты, мелочных дряг и житейских забот, озаряют наше существование, наполняют его смыслом. У каждого в сердце хранится своя коротенькая история, которая становится своеобразным богатством, силой, заставляющей идти дальше, когда все мотивы к жизни исчерпаны.

Вот и Саньке сейчас почему-то вспомнился эпизод, когда они с Андрейкой (лет пять или шесть им было) похватили с куриного насеста яйца и стали запускать ими в деда. Тот, не долго думая, вооружился бичом и стал охаживать своих внуков, предусмотрительно забравшихся на крышу стаек. Санька, получая кнутом по босым ногам, сиганул в малину, а Андрей так и продолжал увертываться от ударов, пока дед не остыл.

– Андрей, ты спишь? – спросил Санька, приподнявшись на локте, чтобы рассмотреть брата из-за стоявшего посередине комнаты стола.

– Нет, – отозвался голос с другого конца.

– Я тоже не сплю... Давай поговорим. Ты на меня обиделся что ли?

– Да ты что. Нет, конечно.

– А что тебя тогда тревожит? Расскажи.

Андрей, услышав вопрос, соскочил с кровати и стал вышагивать по комнате:

– Не знаю, как тебе объяснить, Саня, как выразить, но такое ощущение внутри, что мне лет восемьдесят – не меньше. Тоска меня гложет, с жизнью справиться не могу. Я, знаешь, людей изменить хочу, а у меня не выходит.

– Наивный ты, – сказал Санька и хмыкнул. – Ишь чего удумал – людей менять.

– Нет, я не наивный вовсе. Я Ницше читал. Его выкладки в мозг въедаются. И я поверил ему, я его понял.

– Да хоть Анну Каренину. Мне б твои проблемы. По-моему, так ты себя просто загоняешь, – сказал Санька.

– Господи, я его прочитал на свою голову, и мне теперь с этим лет шестьдесят еще жить.

В ответ на это траурное заявление Санька сладко зевнул и призвал брата ко сну.

20

Утром ребята были разбужены подъехавшими к дому машинами. Их родители решили отметить возвращение Саньки у бабушки, а та нарадоваться не могла, что наконец видит всю семью в сборе. Суетилась она невероятно, достала из погреба варенье, прибереженное для особых случаев. Для Андрейки – вишневое, смородиновое для Саньки. Зятьям вынула из кадки огурцы с помидорами. Дед с ехидством наблюдал за всеми приготовлениями. Вид у него был такой, будто он задолго знал о предстоящем семейном сборе, а потому к нему всецело готов, и его ничто не удивляет. Коварное равнодушие проступало на бородатом лице, но все прекрасно знали нрав неуживчивого старика, любимым занятием которого было набивать себе цену, даже в неподходящие для этого моменты. На самом деле он был очень рад увидеть у себя в гостях взрослых дочек, внуков, внучку и первую правнучку.

Стол накрыли во дворе, разлили водку по стопкам, стороной не обошли и молодых парней, которые с непривычки от такого «внимания» поначалу выпить отказывались, Андрей даже зарделся от смущения, но потом, воодушевленный примером брата, зараз опрокинувшего стопку, тоже выпил. Дед выбрал достойное по себе место во главе стола, от водки ему захорошело, маску высокомерия он с себя сбросил и сделался радушным, услужливым хозяином.

Потекли неторопливые разговоры о житье-бытье. Перебивая друг друга, каждый пытался навязать свою тему. Антон Спасский – о бизнесе, Владимир Мирошниченко – о гололедице на зимних дорогах. Жены их в разговор не вступали, улыбались, да и только. Попеременке они вылезали из-за стола, подливали окрошки, кому надо, уносили грязную посуду, а затем и вовсе уединились – посплетничать.

– Как, Сантёр, жить намерен дальше? – обратился дед к внуку.

– Не знаю пока. От армейки отойду немного и на работу – шагом марш.

Дед кивнул головой в знак одобрения, пригладил рукой бороду, намахнул очередную стопку и обратился ко всем мужикам о наболевшем:

– Ну что товарищи? – Старик передернулся. – Или как это сейчас принято – господа. Как думаете, что с землицей-то нашей родимой будет? Пыреем все поросло. Чай, не доведется мне звуки тракторов да комбайнов из горницы моей слышать... А?

Антон поежился, крутанулся на табурете в сторону тестя. Играя желваками, сказал:

– Земле твоей пахаря не видать, отец.

– То-то и оно, что моей, а не вашей, паршивцы.

– Хакасы тут издревле скот пасли, а власть Советов, пропади она пропадом, свою земельную культуру навязала, – негодуя, продолжил Антон. – Здесь травы должны расти. Сейчас, правда, и растут, потому что больше нечему. На покосах выше роста человеческого. Сам видал... А вы пшеницу понасеяли – и чего добились?! Удобрять надо было, но никто из вас об этом не думал.

– Ить шустрый какой. Возьмись, коли умный. Тра-а-авы. Ты ж торговлей решил заняться. Вся страна в торговлю ударилась, и ты за ней. Окорока импортные жрем, а под боком птицефабрика. Не так, что ли?

– Так-то оно так.

– Не о том вы говорите, – деревянным голосом сказал Владимир. – Я эти земли еще, учась в школе, пахать начал. Родит здесь земля, родит. Утверждаю!

– Родит, говоришь? А известно ли тебе о том, что сорок тысяч американских фермеров все Соединенные Штаты кормят? СССР этим похвастаться не мог. По-твоему, так действительно 25 центнеров с гектара урожай небывалый. 70 не хочешь? – сказал Антон.

Владимир угрюмо, как бык, замотал головой, тяжело встал и, выдохнув перегар в лицо Антона, ответил:

– Это пестициды все. Потому и нация жирная.

– Да-а-а, – протянул дед, – дундуки вы оба. Мне б годков двадцать скинуть, и я бы взялся. А молодежь что? Толку с нее нет, хотя кто его знает. Слыхали, бунтовали тут у нас? В газетах печатают.

Андрей подмигнул Саньке. Ему было приятно, что разговор зашел на эту тему, но вида не подал, только на крошку сильнее налег.

Наевшись, Андрей встал из-за стола. Он очень хотел присоединиться к разговору старших, порывался вставить словечко несколько раз, но сделать это все-таки не решился. Сейчас он поймал себя на мысли, что не правы ни те и ни другие. Взрослые все прошлое поминают, а надо бы о будущем подумать, – как молодежь землей заинтересовать. Дед старой социалистической закваски, отцу вообще не пристало разговоры о сельском хозяйстве вести (не знает он его), а дядьке лишь бы похвастать.

– Может пойдём пройдемся? – спросил Санька.

– Давай, – поддержал Андрей. – Сейчас маме только кое-что скажу.

Сестры сидели во времянке и шептались, придвинув головы друг к другу. Андрей не стал спешить с разговором. Увидев, что замечать его никто пока не собирается, взял ковшик, зачерпнул студеной воды и начал цедить приятную влагу. Деревенская вода была лучше городской. Андрей подумал, что, быть может, городская и чище по своим свойствам, а из-под земли все равно намного вкуснее и для здоровья полезнее. Под этими местами она в подземные озера собралась. Значит, для местного человека лучше воды нет, потому что это его земля и его вода, а в городе ее фильтрационные циклы обескровят; она чистой, но мертвой становится.

– Мам, скажи отцу, что на работу я больше не выйду. – Лицо Андрея скривила усмешка. – Скажи, что сломала меня работа... Вроде как его верх. Ха-ха.

Мать вскинула брови, вероятно желая что-то ответить, но Андрей резко развернулся на сто восемьдесят градусов и вышел.

Братья бодро зашагали по асфальту. Солнце было в зените. Парило. На востоке небо заволокло хмурыми тучами; серовато-черные полосы перемежались со светлыми линиями надвигающегося на деревню дождя.

– Красиво тут, – сказал Андрей, когда вышли к базам. – Нет земли лучше нашей. Во многих местах мне довелось побывать. Когда семьей отдыхать ездили, я и лазурные берега видел, и под сенью пальмовых рощ лежал, купался в кристально-чистых водах Атлантики, прозрачных настолько, что косяки рыб там, кажется, по воздуху движутся, каждую в подробностях разглядеть можно, а все-таки об одном жалею: сюда редко приезжал... Только не подумай, что я хвалюсь. Пожалуйста. У нас простая суровая природа, без прикрас излишних. Вон, посмотри туда...

Андрей вытянул руку по направлению к поросшему коноплей полю. Древние хакасские курганы, свидетели забытых эпох, были разбросаны повсюду. Санька закрыл глаза, и ему показалось, будто неподвижные стелы ожили. Десятки огромных костров, выкидывая искры в ночное небо, горели то тут, то там, а каменные воины сидели тихо, по кругу, и их могучие спины колыхались от дыхания.

Санька встряхнул головой, чтобы сбросить наваждение, и обратился к брату:

– Красиво сказал. Их пейзажи глаз радуют, а на наших просторах глаз отдыхает. Отдыхает, брат, а это дорогого стоит... Подожди, а кто это там в кустах?

– Пойдем посмотрим, – был ответ.

Братья пошли по полю. На Андрея напал чих, глаза заслезились, на теле выступила сыпь.

– Э-э-э, да у тебя, похоже, аллергия на коноплю, – сказал Санька, ухмыльнувшись.

Ориентируясь на маячившие впереди спины, через несколько минут ребята натолкнулись на деревенских. Это оказались Олег Воронцов, Сашка Романов и Мишка Купреянов. Они занимались «окучиванием» поспевшей конопли, распространявшей по округе терпкий запах.

Андрей некоторое время с недоумением смотрел на эту сцену, потом его глаза округлились, и он, чихнув, с интересом спросил:

– Ребята, а для чего вы это делаете?

Последовала незамедлительная реакция.

– Вот это вопро-о-ос, – промямлил Романов. Он встал на колени и начал стучаться головой об землю, пытаясь задушить на корню разрывающий легкие хохот. Дальше и вовсе распластался червем на траве, квакая от бессилья.

Деревенские ржали как кони.

Андрей, посмотрев на них, неловко всплеснул руками и вымученно улыбнулся. Он посмотрел в сторону, где должен был стоять его брат. Но Саньки не было; приступ смеха повалил его на землю и заставил бесцельно елозить по земле. Потом Санька понял, что с собой ему не совладать, пока брат будет находиться в его поле зрения, и закатился за бугорок, за которым сейчас и отлеживался.

Андрей замялся, потупил голову и, чувствуя неловкость, сказал:

– Ребята, с моей стороны была шутка? Да?.. Я рад, что вы посмеялись. Вы ведь не зло смеялись? Правда?

– Правда, правда... То, что ты простоват немного, я давно знал, но не до такой же степени. Они же здесь ради дури. Неужели об этом до сих пор еще кто-то не знает? – ответил Санька.

В тоне брата Андрею послышалась издевка. Санька как будто бы стеснялся его.

– Да, конечно, дурь. Вы знаете, у нас ее в университете многие курят и за наркотик не считают. Я просто технологию сбора не знал.

Деревенские, закончив с «шорканьем», пригласили Саньку с Андреем пройти с ними на базу.

От заброшенной базы веяло адским холодом. На деревянном полу были большие щели, через которые пробивалась трава. Ржавые поилки, пустые стойла, поломанные пластмассовые трубки с запекшимся внутри них молоком, лепешки коровьего навоза на каждом шагу, превратившиеся в кизяки правильной округлой формы. Парочка здоровенных крыс перебежала дорогу и скрылась в щелях.

Пацаны остановились в кузнице, отделенной от загона кирпичной кладкой. Закипела работа по переработке собранного урожая с соблюдением всех мер предосторожности, потому что даже последняя собака в деревне знала, что конопляное поле и прилегающие к нему окрестности любит посещать милиция с целью отлова рядовых наркоманов.

– Какие сосредоточенные лица у ребят. Такое ощущение, что дома строят. А этот контраст? Заброшенная база и молодежь, которая должна была бы трудиться хотя бы здесь, а она на угольках обманчивого колхозного величия нашла себе новое занятие, – подумал Андрей.

Деревенские парни со стахановским, надо отметить, экстенсивным рвением безо всякого давления со стороны общественности, жаждущей перевыполнения плана, с усердием занималась изготовлением собственного «плана», которым из скромности не намеревалась хвастать перед массами.

Через некоторое время у всех троих оказалось на руках по крупному шарикку. «Ручник» был готов к употреблению.

– Надо опробовать, – заявил Олег.

– Да, не мешало бы. Для чего мы тогда битых два часа на солнцепеке торчали... Конечно, стоит. Обязательно надо, – поддержал Романов.

– Чей будем курить? – задал вопрос Олег и дернул головой, чтобы определить на место упавшие на глаза волосы.

– Твой, конечно. У тебя «баш» самый большой, твой и будем, – уверенно произнес Мишка.

– Да ну на фиг. Мы одинаковое время на поле пробыли. То, что у вас руки не из того места растут, я не виноват, – возразил Олег.

Преппирательства могли бы продолжаться до бесконечности, если бы Олег, позеленев от ярости, не обратился к Андрею:

– Слышь, Спас. Ты, говорят, справедливый – рассуди.

Спаский, скромно до этого отмалчивающийся, ощутил собственную значимость и начал перебирать в голове варианты справедливого разрешения ситуации. Парни его не отвлекали, по их глазам Андрей прочел, что любое его слово будет воспринято как истина в последней инстанции, поэтому с ответом не спешил, боясь, что скоропалительный вывод заставит всех усомниться в его способностях третейского судьи, да и никого обидеть не хотелось. Поразмыслив, сказал, делая акцент на каждой фразе:

– Ты вот, Олег, про работу говорил. Что у тебя, мол, «шоркать» лучше получается... Так мне твои слова совковские времена напомнили. От каждого по возможностям – каждому по труду. Тогда равенство повсеместное было, никто не должен был выделяться из серой массы, а ты выделился. Сплошь и рядом происходило так, что лишнее надо было государству отдать, от себя отрезать, как тот же «план», и отдать. Не давалось, в общем, возможности рабочему или крестьянину стимула к дальнейшему труду. Потом система совершенствоваться стала. Чтобы низшие классы зависти к их товарищам по серпу и молоту не испытывали, правящие круги уравниловку придумали: всем по 120 рублей и лишь незначительные льготы передовикам производства путем премий, наград и так далее. Извращенная система. И я сейчас хот...

– Ну-у-у... Ты это какую-то демагогию развел, ничего понять нельзя, – перебил Олег, испытав легкий шок от непривычного построения речи.

– Да тут и понимать-то нечего. Андрюха на то намекает, что каждый от своего «ручника» должен отщипнуть ровно столько, сколько и другие. Правильно я, Андрюха, говорю?

Саньке в принципе было все равно, чей «план» курить: только бы поскорей. От томительного предвкушения перед будущим улетным состоянием у него аж настроение поднялось, мурашки по коже побежали.

– Именно это я и имел в виду, – поставил пафосную точку Андрей.

Деревенские переглянулись.

– Взрываи! – обратился Мишка к Саньке.

Тот не заставил долго себя упрашивать. Поочередно все, кроме Андрея, вдохнули наркотический дым...

Дождь забарабанил по крыше, усиливаясь с каждой секундой. Потоки воды стали просачиваться через прогнившие потолки и водопадом устремляться на деревянный пол базы.

Небо еще долго плакало навзрыд, но парням все было нипочем. Безумный смех катился по сводам, отталкивался от стен, расширялся, сужался, делился на оттенки от усталого подвывания до громоподобного хохота.

Санька почувствовал, как к голове стали подкатывать волны блаженства. Тело казалось пустым и легким. Приливы оборванных мыслей, никак не связанных между собой, ураганом залетали в мозг. Что удивительно, всякая мысль без затруднения усваивалась, перерабатывалась и, подхваченная бесшабашным вихрем, без промедления уносилась в неизвестном направлении. Для Саньки не существовало теперь ни одной проблемы, на обдумывание которой надо было бы как прежде посвящать минуты или даже часы. Проходили доли секунды, и решение по любому возникшему вопросу назревало фурункулом, лопалось и превращалось в три-четыре предложения, бившие в самую суть. Для Саньки мир на время перевернулся, и похоже, что нечто подобное ощущали и деревенские. Фразы у парней выходили необычные, нередко с неожиданной, таки КВНовской концовкой. Каждый изо всех сил старался показаться дураком, как будто сумбур в голове обязывал. Можно было высказать любую фантастическую идею, потаенное желание, потому что потом все, как обычно, списывалось на ручник. Ребята

стали сами собой и, несмотря на то, что знали о том, что будут помнить абсолютно все после того, как «отпустит», но помнить как о зазеркалье, а не о реальности.

Наркотик в этот раз получился на редкость сильным, несмотря на то, что за коноплём, произрастающей рядом с Кайбалами, давным-давно закрепилась дурная слава «никчёмной травы», от которой «прёт» только коней, свиней да грудных детей.

Андрей с живым интересом ребенка и спокойствием привыкшего ко всему патолого-анатома вел наблюдение за травокурами. Ничто не содрогнулось в нем, когда он увидел, как на лицах ребят стали переменяться различные состояния... Красные глаза, двигательная заторможенность, смех по малейшему поводу.

– Вот это травка... Отпад! – сказал Олег.

– Точно. Кто там брякал, что только Тува с Солнечным нас дурью отменной снабжают? Кто? Посмотреть бы ему в глаза... Приходы, что надо, – сказал Романов.

– Пацаны, что это с ним? – спросил Андрей, показывая на побледневшего Купреянова, у которого стали появляться первые признаки наркотического отравления.

У Мишки открылась рвота, он начал без умолку жаловаться на постоянную жажду и учащенное сердцебиение.

– Твою мать, – с негодованием воскликнул Романов, – вот дура-то. Тебе же говорили: «Давай „парика“ закачаем». Нет, ему надо было банку. Теперь эта сволочь всех «спалит». Все – сливай воду.

Голос Романова хотел казаться бодрым, но срывался на каждом слове. Он был перепуган не меньше Мишки, с которым в прошлый раз им пришлось отваживаться до полуночи, потому что под рукой не оказалось ни одного средства, позволяющего быстро привести товарища в норму.

– Все! Приехали! И почему мы тебя постоянно с собой берем? Бросить тебя тут и дело с концом... На вот яблоко пожуй, – сказал Романов, смирившись с тем, что остаток дня придется провести в кузнице.

Романов тихо прошептал:

– Да, плохи дела. Сейчас бы воды литров пять.

– Я не курил с вами, если вы это, конечно, заметили. Запросто могу сходить за водой, – сказал Спасский.

– Точно, он же не курил, – радостно произнес Олег.

Лица ребят засияли от восторга. Кажется, выход был найден.

Мишку опять начало полоскать, только в желудке у него, похоже, уже ничего не осталось. Противная желчь, свисая дряблой ниткой, тянулась изо рта до пола. Рвота не приносила облегчения, а, наоборот, тяготила. Спазмы в желудке, не приводившие к опорожнению, окончательно сковали волю парня. Протяжно застонав, он вцепился Саньке в руку. Холодный пот пропитал каштановые пряди волос обезумевшего от страданий Купреянова.

– Ходи, Мишаня. Двигайся, – сказал Санька, с трудом отцепив клещом приросшую к нему кисть деревенского.

Купреянов начал наматывать круги по кузнице. Шаг плавно перешел в легкий бег. Долговязый и сутулый, он стал похож на скаковую лошадь, отдающую всю себя ипподрому. Пустые глаза подростков с сочувствием провожали мечущегося парня. Комедия и трагедия слились воедино. Движение по кольцу вызвало такое головокружение, что Мишка не выдержал и замычал, как телок перед забоем. Неожиданно он остановился, упал на колени, вознес руки к небу и начал молиться, вкладывая в каждое предложение столько веры, силы и отчаяния, что, будь он проповедником, под его знамена наверняка бы стянулось множество потерянных людей..., но он сам был потерян.

– Все! Не могу больше на это смотреть, – сказал Андрей и побежал за водой.

Безотчетная жалость проникла Спасскому в сердце, камнем легла на душу. Так хотелось парню помочь, ободрить, позвать к чему-то более светлому, рассказать, что можно жизнь по другому руслу направить. Только слов не нашлось, да и постеснялся он мысли свои выдать, предчувствуя, что его не поймут, засмеют, посчитают идиотом. А найдись слова там, в кузнице, они бы, безусловно, в душу Купреянова запали. Нет лучше момента для воздействия, чем когда тело, изнемогающее от страдания, достигает в какой-то миг такой степени накала, что материальная оболочка больше не властна. В такие минуты душа обнажается, выходит наружу, готовая воспринимать истину и ложь в равной мере. Не хватило Андрею мужества, и об этом теперь приходилось жалеть.

– А зачем мне его жалеть? С какой стати? Сам на это пошел, сам дорогу выбрал, а теперь плоды горькие пожинает, мучается. Не надо лукавить, Спасский. Жалко его, да, жалко. Правда, с моей стороны это сопливое сострадание, которое вылей на человека, – и он растает от собственной никчемности, и как кутенок требует от матери молока, тепла и защиты, так и этот жалкий человек станет подпитываться этой любовью-жалостью, высасывая энергию из участников. И чем хуже ему придется, чем больше неприятностей по его же вине будет сыпаться ему на голову, тем более счастлив он будет, зная, что его всегда поддержат, – думал Андрей.

Дождь закончился. На деревенских улицах было пусто. Истосковавшаяся по влаге земля жадно впитывала капельки дождя, которые так милы сердцу всего живого. В поднебесье, закручивая спирали, планировали коршуны, готовые ринуться вниз при первом появлении добычи. Ветерок обвеивал мокрый асфальт, создавая рябь на образовавшихся лужах.

Эта рябь напомнила Андрею ребристую водную гладь озера «Турпаньего» из детства. Много лет назад он, Санька, дядя Володя и дед Ус, прозванный так за длинную, как у священнослужителя бороду, на рыбалку ездили. Тогда был такой же, как и сегодня, ветерок, шелестевший в зарослях камыша, обрамлявшего берег. Десятки рыбаков клевали носом над своими удочками, и ничто не предвещало необычного. Опускавшееся за холмы солнце окрасило небо в багровый цвет. Они с Санькой ложками ныряли в дымящуюся уху с комарами и настраивались первый раз в жизни плыть со старшими на проверку сетей.

– Смотрите вверх, пацанва. Семьдесят с лишком лет землю топчу, а такого не видывал, – тогда обратился к ним дед Ус.

Дело происходило в конце сентября или начале октября, но Андрей точно помнил, что осень в тот год выдалась теплой.

– Господи, журавли летят. Наверное, на поля кормиться, – с грустью сказал дядя Володя.

Косяки журавлей, проплывая в сумеречном небе, жалобно курлыкали и растворялись в закате. Им не было счета, и, по словам деда, они людей за собой зазывали. Туда... в даль. Андрей посмотрел по сторонам. Взгляды привыкших ко всему рыбаков были прикованы к вечернему небу, готовящемуся прикрыться звездным одеялом ночи. Он, маленький Андрейка, в ту минуту понял, что у каждого в душе что-то перевернулось... Не могло быть иначе, не могло. Ему тогда все это чудной сказкой представилось, про гусей-лебедей, какую по ночам рассказывала ему мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.